

Михаил Жутиков
mihailzhutikov@yandex.ru
Москва

АННОТАЦИЯ

Перед Новым годом у студентов много хлопот. Помимо зачетов, у кого-то оказывается не оплачен семестр и нужно срочно добывать деньги. Честные деньги быстро не даются, и друзья решаются на авантюру. Героиня прирабатывает в салоне стрижки животных и теперь салон занят не только стрижкой... У преподавателей забот не меньше, тем паче, что в дело мешаются особые обстоятельства. Кроме того, нужно готовить новогодний вечер, выяснить важные личные отношения...

ЗАЧЕТНАЯ НЕДЕЛЯ

Сцены из жизни провинциального ВУЗа в 2-х действиях

Действующие лица

Андрей Пашеннов	}	- студенты 2 курса электротехнического факультета
Рыбкин Николай		
Коробченко Анатолий («Копченный»)		
Рома Незлин		
Таня Колибрина		
Абдулаев, гражданин Узбекистана, 25 лет	}	- преподаватели
Домнышев Вадим Васильевич, лет 46-48		
Махонин Леонид Михайлович, лет 42-43		
Удалов Олег Борисович, 40 лет		
Гринева Ольга Павловна, 35 лет		
Незлин Марк Евгеньевич, отец Ромы, адвокат		
Незлина Белла Аркадьевна, его жена, страстная собачница		
Эльвира Витальевна, хозяйка салона стрижки животных, 35 лет		
Марина, грумер (специалист по стрижке животных), 25 лет		
Неизвестный, лет 23-25		
Покупательницы собак – 1-я, 2-я, 3-я, разного возраста не старше 40		
Студенты и студентки		

Областной город, наш век.

Действие I

Сцена 1

Учебная лаборатория *электротехники*. За преподавательским столом Домнышев, вокруг стола четверо студентов. Слева от него (для зрителя справа) Рыбкин, дальше, боком к зрителю, Андрей. Справа (для зрителя слева) Коробченко, за ним, боком к зрителю, Незлин. Андрей – видный молодой человек, Рыбкин – щуплый паренек, Коробченко – крупный парень, Незлин – робкий, худенький мальчик. На столе перед Домнышевым тонкая стопка принятых отчетов. В стороне на столах справа от зрителя измерительные приборы, сейчас они выключены. За этими столами еще три-четыре студента, прячась за приборами, ждут очереди сдавать зачет.

Домнышев (*Рыбкину*). Вот это что у вас на схеме?

Молчание.

Андрей (*негромко подсказывает*). Трансформатор.

Рыбкин. Трансформатор.

Домнышев. Так. Что вы подаете на первую обмотку?

Молчание.

Это вы писали отчет?

Рыбкин. Я!

Домнышев. Что вы подаете на первую обмотку?

Рыбкин. Ток... напряжение.

Домнышев. Напряжение постоянное или переменное?

Рыбкин. Постоянное... нет, переменное!

Домнышев. В сети какое у нас напряжение? Разве постоянное?

Рыбкин. Переменное.

Домнышев. Так... Чем отличается постоянное напряжение от переменного?

Рыбкин. Ну как. Переменное... меняется.

Домнышев. Меняется. Прекрасно. Как меняется, вы можете нарисовать?

Рыбкин неуверенно рисует зигзаг.

Вы вообще делали лабораторную работу?

Рыбкин. Делал! Я делал!

Домнышев. Когда вы делали? У меня здесь в журнале «не был», «не был». У кого вы делали?

Рыбкин. Я у... Я у другого преподавателя. Такой лысоватый...

Домнышев. Здесь все лысоватые. С вами не то что облысеешь, а облезешь! Шкура слезет с вами! Или шерстью обрастешь!

Молчание.

Давайте садитесь вот туда отдельно за стол, рисуйте: что такое переменное напряжение. Следующий давайте.

Ближе подвигается Коробченко. Рыбкин с отчетами садится возле приборов.

Нет, нет, отдельно, вот туда!

Рыбкин пересаживается.

Домнышев. Так. Фамилия ваша... (*смотрит отчет*) Коробченко. У меня в ведомости у вас нет оплаты. Вы оплатили обучение за семестр?

Коробченко. Так мне же отсрочили половину, двадцать тысяч!

Домнышев. Хорошо. Вам отсрочили оплату до какого числа?

Молчание.

До какого числа вам отсрочили оплату?

Коробченко. До первого... ноября.

Домнышев. А сегодня какое? Двадцатое декабря.

Коробченко. Я заплачу!

Домнышев. Сидите, я пойду выяснять в деканат. (*Уходит с журналом и ведомостью. Небольшой шум. Как только он уходит, Андрей берет со стола стопку отчетов и передает по цепочке тем, кто готовится. Показывает Рыбкину, что рисовать. Входит Махонин. Все затихли.*)

Махонин. Ну что, обалдуи? Не выгнал вас еще? Как он только терпит вас. Рыбкин, и ты здесь! Что ты там уткнулся, ищешь буквы знакомые? У тебя где курсовая?

Рыбкин молчит.

Рыбкин, меняй фамилию на Птицын!

Рыбкин. Почему?

Махонин. Потому что в пролете ты! Я тебя не допущу до экзамена! Что молчишь?

Рыбкин. А когда мне делать? Я работаю.

Махонин. Это твои проблемы! Ты здесь от армии косишь, Рыбкин, а такие крепкие ребята нужны родине. Ты родине нужен, Рыбкин! Не принесешь завтра курсовую...

Рыбкин. А можно послезавтра?

Махонин. Это что у нас? Суббота? Но учти, это последний срок! А где твой друг Буравчиков? Гондольер-любитель?

Рыбкин. Он болеет.

Махонин. Болеет? Или лечится? Я видел, он в маркете три чекушки покупал. Или это для папы?

Рыбкин. Я не знаю.

Махонин. Его папа все ловит рыбу?

Рыбкин. Нет.

Махонин. Что, динамит кончился? Или река замерзла?

Молчание.

А где Попов?

Рыбкин. Я не знаю.

Махонин. Коробченко, у тебя кто ведет курсовую?

Коробченко. Гринева.

Махонин. Ты сдал?

Коробченко. Я, это...

Махонин. Смотрите оба! Рыбкин! Не принесешь в субботу курсовую, угадай с трех раз, что будет? И передай твоему другу то же самое! Китобой... (*Уходит.*)

Возвращается Домнышев, проходит к столу, садится. Видит, что принятые отчеты пропали, вздыхает молча.

Домнышев. Ну что, Коробченко, срок вам оплаты продлили до тридцатого декабря. Сможете вы оплатить?

Коробченко. Смогу, че я!

Домнышев. Давайте, садитесь ближе. Давайте смотреть... Так... Коробченко... Вы были на лабораторных работах? (*Смотрит в журнале.*) Так и есть, ни на одной. Что будем делать с вами? Я что, с вами отдельно буду все проходить? На лекциях я вас не видел. (*Думает.*) Отчеты готовы у вас?

Коробченко. Да! Вот четыре... три.

Домнышев. Так, прекрасно. На занятия вы, по *еловому* соглашению (*что-то бурчит под нос*) имеете право не ходить... хотя это не совсем так... А отвечать вы готовы?

Коробченко. Я готов!

Домнышев. Больше двух отчетов за один раз я не приму.

Коробченко. Когда же... сколько мне ходить?

Домнышев. Сколько нужно. Я не спешу. Я не тороплюсь на Багамы. И на острова Зеленого Мыса тоже. Или будем делать все работы, как положено? Или на отчисление вас подавать? (*Листает отчет.*) С другими как у вас зачетами?

Коробченко. Два сдал... почти. Да я сдам, конкретно! Что я, не сдам, что ли?

Домнышев. Так... (*смотрит отчет*). Это схема у вас чего?

Молчание.

Что вот это у вас на схеме?

Коробченко. Это проволока вот так вот намотана (*показывает рукой в воздухе*). И... для этого... (*умолкает*).

Домнышев. Так. Все?

Коробченко. Ну да. И это тут другая проволока.

Домнышев. Тоже вот так вот? (*Показывает рукой в воздухе.*)

Коробченко. Ну это... она в другую сторону.

Домнышев. Идите садитесь, думайте. Что такое трансформатор, расскажете мне подробно! Подробно, Коробченко, подробно! Ясно? Следующий давайте, а то мы тут до утра не кончим.

Ближе подвигается Незлин, Коробченко садится к Рыбкину.

Домнышев. Так... Незлин... На работах вы... (*смотрит журнал*). На работах вы, слава богу, были. Очень хорошо. (*Пролистывает отчет.*) Так, а это что? (*Читает в недоумении. Во время чтения Рыбкин уткнулся в стол.*)

Как на Дирибасовской, угол Ришельевской

В восемь часов вечера облетела весть,

У старушки бабушки...

Шестеро налетчиков...

За столами смех.

Это что, выводы из лабораторной работы?

Незлин (*в ужасе*). Где?? Это не я, я не знаю! (*Пугается почти до обморока.*) Я не видел! (*Выхватывает отчет и замарывает стихи.*)

Домнышев. Понятно. Давали отчет копировать?

Незлин. Нет... да... я сам брал... (*запутывается и умолкает*).

Домнышев. Так. Ладно. Дерibasовская пишется через *e*. (*Смотрит отчет.*) Вот это что такое у нас?

Незлин. Конденсатор.

Домнышев. Очень хорошо. Для чего он здесь? Что с ним происходит?

Незлин. Он заряжается.

Домнышев. Прекрасно. И что же происходит?

Молчание. За сценой грохот, затем приоткрывается дверь и наполовину впускает Незвестного. У него подмышкой объемистый пакет, который он придерживает другой рукой.

Неизвестный. Вы разрешите?

Домнышев. Что вам?

Неизвестный. У меня здесь...

Домнышев. Что?!

Неизвестный. Энциклопедия... (*Роняет пакет, который тяжело падает. Наклоняется, поднимает пакет.*) В трех томах. Всестороннее рассмотрение... (*сглатывает*) вопроса.

Домнышев. Одну минуту. (*Встает и подходит к дверям. Неизвестный отступает за дверь.*) Как вы сюда попали?? Сейчас же уходите! Здесь занятия! (*Захлопывает дверь и возвращается. За столом, пытаясь сосредоточиться.*) Так, Незлин, что у нас здесь в трех томах? То есть... ясен вопрос? Черт знает что. Заряжается и что у нас происходит в итоге?

Молчание.

Можете сесть подумать. Рыбкин, готовы?

Незлин и Рыбкин меняются местами, при этом Незлин на ходу отшатывается от Рыбкина.

Домнышев. (*Некоторое время машинально листает отчет Рыбкина. Смотрит рисунок.*) Так, ладно. Вот это на схеме что у вас?

Рыбкин. Где?

Домнышев. Вот это что?

Рыбкин. Вот это? Это...

Андрей (*подсказывает*). Диод.

Рыбкин. Идио... Диод! Это диод!

Домнышев. Диод, так. Что это такое, для чего? (*Молчание.*) Для чего он здесь? Как работает диод?

Рыбкин. Он работает... здесь... (*умолкает*).

Домнышев. Здесь на входе у вас какое напряжение?

Рыбкин. Здесь?

Домнышев. Вот здесь, перед диодом какое у вас напряжение? Переменное или постоянное?

Рыбкин. Постоянное.

Домнышев. Как же оно сделалось постоянное, если было переменное? На входе какое у нас? Вы же только что рисовали! Это вы рисовали?

Рыбкин. Я!

Домнышев. Какое у нас здесь?

Рыбкин мычит нечленораздельное.

Переменное, так? А на выходе? На второй обмотке какое?

Рыбкин. Постоянное... переменное!

Домнышев. Так. Что же делает потом диод? (*Молчание.*) Перед диодом переменное напряжение. Так? А после диода вот здесь, какое?

Рыбкин мычит нечленораздельное.

Вы исследовали что в лабораторной работе? Которую делали у лысоватого преподавателя? Исследовали работу чего?

Андрей (*подсказывает*). Выпрямителя.

Рыбкин. Выпрямителя.

Домнышев. (*взглядывает молча на Андрея, затем обращается опять к Рыбкину*). У вас же вот написано прямо в заглавии! Вам подсказки зачем? Вот же у вас написано: «Исследование выпрямителя»! Это вы писали... печатали?

Рыбкин. Я!

Домнышев. Что же это за устройство, выпрямитель? Для чего он служит?

Рыбкин. Он служит, чтобы... это...

Домнышев. Чтобы что? Вам название ничего не говорит?

Рыбкин. Чтобы выпрямить, это...

Домнышев. Что выпрямить? Что он выпрямляет?

Рыбкин. Это... ток.

Домнышев. Допустим. Но давайте будем говорить о напряжении.

Рыбкин. Напряжение, я и говорю!

Домнышев. Что же делает диод? Лысоватый вам не объяснил?

Рыбкин (*обиженно*). Он выпрямляет.

Домнышев. Слава Аллаху! Как же это происходит? Что за свойство такое у диода? (*Молчание.*) Вот у вас графики. Это ваши графики?

Рыбкин. Мои!

Домнышев. Что же на них изображено? Вот это что? Что у вас здесь по вертикали, вот это: десять, двадцать, что это?

Рыбкин. Напряжение.

Домнышев. В каких единицах? Километрах, килограммах?

У Коробченко падает на пол мобильник. Домнышев вздрагивает, оборачивается на звук, затем поворачивается опять к Рыбкину.

Какие единицы здесь у вас? Литры, может быть? Рыбкин, это литры у вас или что? Или длина прямой кишки? Что это? (*Молчание.*) Это напряжение в вольтах, так?

Рыбкин (*обиженно*). Я и говорю, напряжение. Что я не так сказал?

Домнышев. Хорошо. Это где такое напряжение? Покажите на схеме.

Рыбкин нетвердо показывает.

Так, а вот это что у вас на графике? Это где у вас?

Молчание.

Садитесь, думайте. Объясните толком графики, вот этот и этот, эти два. Не ответите, отправлю домой. Коробченко, давайте садитесь.

Рыбкин и Коробченко меняются местами, при этом Незлин быстро встает и садится к столу на прежнее место. Сцена поворачивается, за преподавательским столом виден, но уже не слышен диалог: Коробченко рассказывает, вода руками в воздухе. Домнышев угрюмо слушает, глядя перед собой. Затемнение.

Сцена 2

Коридор факультета немного погоды. Рыбкин и Коробченко стоят в унынии, Незлин мается в стороне. К первым двум подходит Таня Колибрина. Таня – серьезная девушка, она должна бы казаться чужой в этой компании, но они говорят дружески, непринужденно. Таня среднего роста, стройна, одета в аккуратную (не рваную) джинсовую пару. Сейчас она озабочена, но ощущается, что жизнь бьет в ней через край.

Таня (*живо, тревожно*). Ну что?

Коробченко. Облом. Выгнал.

Таня. Что, всех??

Рыбкин. Андрюха сдал. А нас всех. Да он не кислотный вообще, Копченый его достал. Я уже почти сдал!

Коробченко. Ладно, Копченый! Чуть что, Копченый! (*Думает.*) Блин, как за семик заплатить...

Таня (*изумленно*). За этот семестр?

Коробченко. Ну да... отсрочка у меня.

Таня. Уже второй на носу! Как же ты?

Коробченко. Да второй это где еще... Точняк, армия светит. Папаня на копыта встал. Я не догоняю, что с ним. Всегда платил, ничего... Денег не дам, и ни в какую. Говорит, продавай мотоцикл. Прикинь? Или иди в армию. А как без байка?

Таня. Так тебе за два семестра платить?

Коробченко. Да тот подождет... Блин, найди нам работу какую-нибудь.

Таня. Коля же работает? *(Рыбкину.)* Ты же работаешь?

Коробченко. Работал. Сократили его.

Рыбкин. Сокращение там.

Таня. Вот вы даете! Где ж я вам найду?

Коробченко. Ну ты же работаешь?

Таня. Ты пойдешь собак стричь?

Коробченко. Влегкую! Я счас это, как его... гиббона стричь пойду, конкретно! *(Стучит себя в грудь кулаком, как горилла.)* У-гу-у! Я его, блин, наголо побрею!

Рыбкин. Тань, точняк, устрой нас двоих, там же можно двоих? Мне что собак, что кенгуру, я кого хочешь, это, хоть кастрирую! А стричь, мне это, как пару пальцев... об асфальт.

Таня. Кто вам там даст стричь. Стригут мастера. Там фасонная стрижка для выставок, модная, знаешь сколько бабок? Но ее держать надо, вот это...

Коробченко. Кого?

Таня. Собаку. А ты думал, парикмахершу? *(Пауза, думает.)* Там таких приводят... Ньюфаундленд такой *(показывает рукой от пола)*. Здоровый, как теленок.

Рыбкин. Так это... устрой Копченого, он за ноги будет держать.

Коробченко. А ты за голову.

Таня. Там кронштейн такой, их поводком привязывают за шею. *(Пауза.)* Я же там только администратор... а что хозяйка скажет? Если увидит вас. Вы же и там напашете что-нибудь. С вами и меня попрут.

Коробченко. Не, Тань, мы ж это...

Молчание.

Рыбкин *(деловито)*. А может, впарить им собаку? С понтом, ценную? Поймаем какую-нибудь и это... отмоем, причешем? Какую поменьше.

Таня *(вздыхнув)*. Дурак ты, Коля. Не обижайся. Там родословные, знаешь, какие? У нас с тобой таких нет. *(Пауза.)* Господи, что же с вами делать?

Коробченко. Да-а... Андрюхе кайф, он бюджетник. Может на Тойоте рассекать и продавать не надо. А мне байк толкнуть и что? Триста косарей я где потом возьму?

Таня. У нас же еще репетиция, ты не забыл? И концерт! Ты потянешь? Может, сказать Андрею, чтобы заменил? Или я скажу?

Коробченко. Да это че там, похохмим... *(Рыбкину.)* Ты завтра это, че мыслишь?

Рыбкин. Завтра курсовую у Андрюхи свинтить.

Таня. У тебя же данные другие.

Рыбкин. Пофиг, забью свои. Что он, будет проверять? Когда ему проверять.

Коробченко. Не, Махоня докопается конкретно.

Рыбкин. Пусть докопается. Новых данных начеканю от балды. Я им, понял, напишу тысячу, а потом сижу так *(берет себя рукой за голову)*, с понтом, думаю. Ноль зачеркну – типа, ошибся. – О, это другое дело!

Смех. Пауза.

Все равно я их всех нагрее. *(Смотрит на Незлина в задумчивости)*. Вот у кого у папани бабок, блин... Рома, дай пол-ляма взаймы!

Незлин пугливо вздрагивает и торопливо уходит.

Таня *(проводив его взглядом)*. Что ты привязался к пацану? Он и так чуть живой.

Рыбкин. А че он пялится на тебя? Он вообще какой-то куку в овраге. *(После паузы.)* Говоришь, родословная... А спорим, я их тоже нагрее?

Таня. Кого? Ты о чем?

Рыбкин. Есть одна идея не корявая.

Таня. Знаю я твои идеи! И не думай! Я уж лучше с хозяйкой поговорю. Попробую...
Общая озабоченность. Затемнение.

Сцена 3

Сцена в актовом зале. Закончилась студенческая репетиция новогоднего концерта. Справа кулиса, перед ней Андрей сидит у усилителя, рассеянно включает его. Негромко, около минуты, звучит «танец маленьких лебедей» Чайковского. Из-за кулисы слева выходит Таня в расстегнутой шубке и шапочке Снегурочки (но в джинсах), снимает шапочку, садится. Оба немного устали. Андрей выключает усилитель.

Андрей. Конечно, эти лебеди... старо, избито, как считаешь?

Таня (*смеется*). Но у ребят классно вышло! Смешно.

Андрей. Копченый, конечно, норм... маленький лебедь. Ладно, пусть потешат народ. А другие номера как тебе? Сложилось у нас? Или так, рассказ про никого?

Таня (*восхищенно*). Да что ты, Андрей! Все просто супер!

Андрей. Ты офигенно пела! Вот ты точно супер. (*Пауза.*) У тебя какие планы на Новый год?

Таня (*опустив взгляд*). Ой, Андрюша... я даже не думала. Тут столько всякого... Ребята там... (*тихо взглянув*). Ты просто так спросил?

Андрей. Что ты с ними возишься? Это же... Кто они и кто ты?

Таня. А ты сам?

Андрей. Что я. У тебя же талант от бога!

Таня (*мягко*). Они такие... пойми, у них же все на грани. Ой, нет... как их бросить? Мы же росли вместе. Толю, знаешь, Копченым за что прозвали? В девятом классе через костер прыгали, и он туда упал. Дураки, делать было нефиг, пива напились, весело!

Андрей. Но ты же другая совсем! Забей ты на них.

Молчание.

Серьезно, ты где на Новый год?

Таня (*пряча взгляд*). Давай с тобой потом поговорим, ладно? Мы еще много раз увидимся.

Андрей. Что хоть тебе подарить?

Таня. Не нужно, что ты! Ну, что-нибудь... небольшое совсем. Я не знаю.

Небольшая пауза.

Андрей. Я тебе скажу, меня, честно, от них мутит. Я из-за тебя только. Ты с ними не разлей вода, а мне с тобой и не поговорить. Я что, тупее их?

Таня (*испуганно*). Что ты, Андрюша! Но ты из другой жизни, а мы кто?

Андрей. Да ты... золотая вся! Пойми же! А кто они??

Затемнение.

Сцена 4

Преподавательская комната кафедры: на дальней и на левой от зрителя стене учебные диаграммы, в правой стене два широких окна на улицу, в левой входная дверь, сразу за ней настенное зеркало. Несколько преподавательских столов. За двумя из них Домнышев и Гринева, рядом с каждым сидит студентка и отвечает, наклонившись над листками. Разговор не слышен, но преподаватели согласно кивают.

Домнышев. Ладно, давайте зачем. (*Расписывается в зачетке и ведомости.*)

Гринева. Очень хорошо. (*Расписывается у своей студентки.*) Как папа, как его здоровье?

Студентка. Все хорошо! Они уехали в Испанию на Новый год.

Гринева. Какие молодцы. Замечательно. Готовьтесь теперь к экзаменам как следует!

Студентки (*обращаясь к обоим преподавателям*). С наступающим вас Новым годом! С наступающим!

Гринева. Спасибо, и вас.

Студентки уходят. Входит Коробченко в кожаной куртке, с убитым видом, с пустыми руками.

Коробченко! Наконец-то! Где же ваша курсовая?

Коробченко (*машет рукой, садится за стол к Гриневой*). Ольга Павловна!

Гринева. Что стряслось, Коробченко?

Трагическое молчание.

Коробченко. Все написал, все! Ольга Павловна! Честно, написал, приготовил. И вчера это... в багажник. Думаю, чтоб не забыть, а то забуду. Все приготовил, конкретно! А утром – байка нет. Угнали.

Гринева. Как?! Как же это? Угнали??

Коробченко сокрушенно молчит, машет рукой и отворачивается. Пауза.

Коробченко. Пока в полицию, заявление, то, это... Вот только освободился. (*Умолкает, убит.*) Там же замки, сигнализация... Все, выхожу – нету. А там курсовая, еще лабы, отчеты, деньги...

Гринева. И деньги??!

Коробченко. Да, забашля... заплатить за семестр... Там же замок! Байк на замке, все! Замок валяется, перекусан. Отец убьет.

Гринева. Какой ужас. Как же это? Ведь он дорогой!

Коробченко. Триста тридцать... это, тысяч. (*Пауза.*) Не везет мне, Ольга Павловна. (*Вздох.*) И отец говорит – лузер, толку не будет от тебя.

Гринева. Ну разве можно так, что вы! (*Пауза.*) Ну, может быть, найдут?

Коробченко безнадежно машет рукой.

Что же теперь с вами делать? Господи, что за жизнь такая. Ну, давайте зачетку вашу. Зачетка-то целая?

Коробченко достает зачетку.

Какое несчастье (*расписывается в зачетке*). И перед Новым годом!

Коробченко уходит. Через некоторое время входит Махонин. Подходит к окну, стоит перед окном в задумчивости. Слышен мощный треск мотоцикла.

Махонин. Это не у нас Коробченко был? Вон покатыл. Байкер, мать его. Зима, а ему нипочем. Хорошо, что асфальт сухой.

Гринева. Что?? (*Хохочет.*) Ах, боже мой! (*Домнышеву.*) Хоть бы вы мне подморгнули, Вадим Васильевич! (*Хохочет, Махонину.*) Вы знаете, что он мне тут наговорил?

Махонин. А вы знаете, что нам прислали новый образовательный стандарт?

Гринева. Опять???

Махонин. Не опять, а снова. Между прочим, уже четвертый.

Домнышев. Чему удивляться. Чтобы дети учились в Лондоне... (*Бормочет что-то себе под нос.*)

Махонин. Так что готовьте новые образовательные комплексы.

Гринева. Боже мой, опять... Ребятами некогда заниматься.

Входит Рыбкин с торбой за спиной.

Рыбкин. Можно? Здравствуйте.

Махонин. Ну что, Рыбкин? Принес курсовую?

Рыбкин. Да.

Махонин. Садись. (*Садятся. Рыбкин достает курсовую работу, Махонин некоторое время ее листает.*) Так, Рыбкин. Значит, у кого-то отсканировал, потом фамилию на титуле поменял... А мой листок с заданием где?

Рыбкин долго копается в торбе, достает папку, из нее листок.

А что не подшил?

Рыбкин. Забыл.

Махонин. Дурочку гонишь, Рыбкин? (*Сверяет данные с листком.*) Ты мне это что принес? Тут ничего не сходится.

Молчание.

Мне с тобой зачем возиться, скажи? А, Рыбкин? Я свои часы отработал!

Молчание.

Как отец там?

Рыбкин. Ничего.

Махонин. Ничего? В смысле, в кармане ничего? А небось, шефу нужно *прислать*?

Рыбкин. Да.

Махонин. Ты сам-то где работаешь, я забыл?

Рыбкин. Уже нигде. Сокращение там.

Молчание.

Махонин. Ладно, я зачту тебе, Рыбкин, твои труды. Неправедные, Рыбкин, неправедные труды! Косяки одни, ты учти! Ты все понял?

Рыбкин. Я понял.

Махонин. Хорошо понял?

Рыбкин. Хорошо. (*Поднимается.*)

Махонин. Давай зачетку. И мой листок оставь.

Расписывается в зачетке. Рыбкин уходит.

Гринева (*Махонину*). Так вы знаете, что мне Коробченко сказал? (*Не может удержать смех.*)

Входит Удалов. Бодр, в приподнятом настроении.

Удалов. Ольга Павловна, вы все хорошеете!

Гринева. Ой.

Удалов. Прямо, ух! Конфетка. Так бы... и оказал дурное влияние.

Гринева. Да что вы!

Удалов. Увез на другую планету! На необитаемый остров!

Гринева. А здесь никак?

Удалов. Здесь будут мешать нашей страсти.

Гринева. Понятно. Олег Борисович, а вы знаете, что прислали новый образовательный стандарт? Это уgomонит вашу страсть?

Удалов. Новый? И бог с ними! Там реформаторов сколько? Им же надо что-то новое вдондрынить? Под новый год! Пойдем навстречу! Хотят так, напишем так. Скажут, с понедельника быть французами, будем французами, скажут китайцами, будем китайцами!

Махонин. А в случае чего спрячемся за швабру.

Удалов. Точно! Совершенно верно! За швабру! И прикинемся ведром! (*Домнышеву.*) Вадим, а ты чего такой малахольный?

Домнышев. Зубы болят.

Удалов. Зубы? Выдери их к черту! Я два сразу выдрал, и так хорошо. Нет их, и не болят. Водку можно и без зубов пить. Так я говорю?

Домнышев (*угрюмо*). Ты знаешь, я не так скор на остроумие...

Пауза.

Удалов. Эх! Ребята, больше позитива! Новый год скоро! А вы знаете, что студенты вечер нам готовят? Там у них этот, как его, Пашеннов, режиссер! Говорят, настоящий режиссер! Талант! Вот поглядим! Что-то по Чайковскому, танцы лебедей! Чудесно, отлично! (*Уходит, потирая руки.*)

Домнышев. Вот кому на Руси жить хорошо.

Махонин (*у окна, смотрит на улицу*). Надо на стоянке сделать вывеску: Господа студенты! Просим парковать ваши иномарки аккуратнее, чтобы не повредить велосипед преподавателя.

Гринева (*смеется*). Да. А этот Пашеннов... такой воспитанный мальчик, да, Вадим Васильевич? И образованный...

Домнышев (*пишет в журнале*). Что? А, образованный... Ну, это бывает и с другими... такое несчастье.

Гринева. О чем вы?

Молчание, Домнышев продолжает писать. У Махонина звонит мобильный телефон, он достает трубку, говорит «Алё?» и уходит, разговаривая. Домнышев и Гринева.

Что-то больше нет никого. (*Смотрит на наручные часы, слегка охорашивается.*) Вот негодяи.

Молчание.

Вот и Новый год. Как быстро стали годы мелькать. Только что, кажется, был прошлый Новый год. Ужас! (*Молчание.*) Вы где встречаете Новый год, Вадим Васильевич?

Домнышев. Я его нигде не встречаю.

Гринева. Как это? Правда?

Домнышев. Конечно, правда. Что я, неправду вам буду говорить? Лягу спать, да и все.

Гринева. У вас что, никого нет? И не к кому пойти?

Пауза.

Домнышев. Ольга Павловна, вы когда-нибудь видели горбуна?

Гринева. Горбуна??

Домнышев. Обыкновенного горбуна.

Гринева. Вадим Васильевич, что это вы?

Домнышев. Так вот я горбун.

Гринева. Не может быть. Вы очень хорошо выглядите. Вы, наверное, занимались спортом?

Домнышев. Что-то не припомню.

Гринева. Вы замечательно выглядите. В вас влюбиться можно.

Домнышев. Я горбун.

Гринева. Фу, Вадим Васильевич! Перестаньте.

Домнышев. Горбун с горбом внутри. Видели вы такого горбуна?

Гринева. Да ну вас.

Домнышев. Этот горб растет всю жизнь. И все тебе наращивают его – родственники, знакомые, правительство и ты сам.

Гринева. Я не понимаю.

Домнышев. И каждый из нас наращивает друг в друге этот горб. Мы разве все не горбаты внутри?

Гринева. Что же, у вас в жизни были одни неудачи?

Домнышев. Дураку и удача не впрок.

Молчание.

Гринева. А вы смотрели этот фильм позавчера? Ой, такой фильм. Двое там уже в возрасте, знаете, и вот... Вы не смотрели?

Домнышев. У меня нет телевизора.

Гринева. Как же так? Почему?

Домнышев. Я его на помойку отнес. (*Лезет в карман, бормочет.*) Черт, карман порвался...

Гринева. На помойку? Он не работал у вас?

Домнышев. Работал. А впрочем, черт его знает. Я его года три не включал.

Гринева. Ой, ну что вы. Разве можно так жить? Давайте, я вам подарю новый на Новый год. Они совсем не дорогие.

Домнышев. Подарите мне новые карманы. А то у меня там везде дыры.

Гринева. Какой вы... Вы все шутите. Что же у вас нет никого... кто бы вам поправил одежду? Не может этого быть. Вы такой умный, такой видный! Смеетесь над бедной одинокой женщиной.

Молчание.

А вы не пьете, Вадим Васильевич?

Домнышев. Пью запоем.

Гринева. Простите, я не так хотела спросить. Вы ведь... не боитесь трудностей, мне кажется? Вы боец.

Домнышев. Трудности разные бывают.

Гринева. Главное, найти своё, правда?

Домнышев. Э-эх, Ольга Павловна. Бывает, и своё... а не твоё.

Молчание.

Гринева. А вы здесь давно работаете? Мы уже второй года знакомы, а я о вас ничего не знаю. Вы ведь из Москвы, кажется?

Молчание. Домнышев продолжает писать. Возвращается Махонин, садится за свой стол, разбирает бумаги.

Домнышев. Ну, хватит на сегодня. *(Собирает бумаги, уходит.)*

Пауза. Гринева и Махонин.

Гринева. Вадим Васильевич интересный человек, правда?

Махонин. Да, очень грамотный... Он из НИИ какого-то. Сюда уже со степенью пришел.

Гринева. Он ведь из Москвы?

Махонин. Это давно уже, лет двенадцать... или больше. Что-то там не срослось. Он не рассказывал, а я не спрашивал.

Гринева. Он ведь одинокий?

Махонин. Кажется, более чем, Ольга Павловна.

Гринева. Что же, у него нет детей?

Махонин. Я слышал, у него где-то дочь. Где, не знаю. Он о себе не рассказывает.

Гринева. И какой-то он мрачный.

Махонин. Да, веселья ему не занимать... Вот и развеселите! У вас получится.

Гринева. Вы думаете?

Махонин. Я почти уверен.

Гринева. Все-таки вы шутите.

Махонин. Нет... Но, знаете, без труда...

Гринева. И рыбку из пруда. А тут не рыбка, а человек, вы это хотите сказать?

Махонин. Он вам нравится?

Гринева. Как вы... сразу. Я его совсем не знаю. Что-то да, симпатичное, но... как будто он где-то далеко, а я клуша обыкновенная. Меня этот Коробченко сегодня так обманул! *(Хохочет.)* Вы знаете, что он мне сказал? Что у него мотоцикл угнали! Байк! *(Хохочет.)* И у него там курсовая! В багажнике.

Махонин. Да-а... Нахальство второе счастье. Постойте, он же в кожанке был, кажется? Вы разве не видели? Выглянули бы в окно! Стоянка же под окном.

Гринева. Господи, да мне и в голову не пришло!

Молчание.

Махонин. Им на самом деле только корки нужны. Они зачем идут? Ребята от армии косить, и плюс корки. А девочки – мужа найти, чтобы более-менее не с улицы, а на человека походил. Ну, и корки. Остальное всё как-нибудь, лишь бы сдать.

Гринева. Есть же и хорошие ребята.

Махонин. Есть, обычно из-под репетиторов. Но эти в основном от нас подальше едут, а у нас если есть – два-три в группе. Остальные – сами знаете. А Вадим... я не знаю, образования им хочет. А им когда учиться? Им надо деньги зарабатывать. У нас бюджетников, вы же знаете, на две группы девять человек. Остальные платники. Да и бюджетники эти... без экзамена. Сколько у мамы было денег, столько пятерок в аттестате. Этот, Буравчиков, бюджетник! С папой рыбу глушит. Я его за семестр два раза видел. Мы что тут можем?

Гринева. Что же, мы, правда, ничего не можем?

Махонин. Ольга Павловна, дерзайте, флаг вам в руки.

Молчание.

Вы ведь, Ольга Павловна, чем-то занимались до этого? Фермерством?

Гринева. Да. Что толку? Все коту под хвост.

Махонин. Не понял?

Гринева. Работай, не работай... Может, это у них там... работай, пожалуйста. А у нас же только палки в колеса. И трактор ломали, и в карбюратор песок сыпали и чего только не

делали. Как это сосед будет богатый? А то, что мы с мужем пахали как папа Карло, им разве важно?

Махонин. И чем закончилось?

Гринева. Технику продали, все продали.

Махонин. А земля?

Гринева. На земле уже роща растет. Аренду плачу, не знаю зачем. Муж умер, и теперь ничего не знаю, что делать.

Махонин. Так вы у нас помещица!

Гринева. Да, вот такая...

Махонин. Отдайте под поле для гольфа.

Гринева. Да кто ее теперь возьмет, с березками? И кому тут этот гольф.

Махонин. Не скажите, тут есть кому... А сыну сколько вашему?

Гринева. Четырнадцать, скоро пятнадцать уже. Господи, время как бежит.

Махонин. Что ж, скоро пристроите его к нам и заживете себе.

Гринева. Одной не очень-то...

Махонин. Беритесь, курсовые делайте им. Что вы стесняетесь? Научить их все равно уже нельзя. Что успеем, подтянем... А так вы им поможете и себе заодно. Они только спасибо скажут. Они на заработки зачем идут? Чтобы платить. А как по-другому? Кто-то еле тянет, но старается, ему тройка, а другой ни бум-бум и ни разу не был, ему тоже тройка? Пусть платит тогда! Они уже в семнадцать лет все поняли. С системой не воюют.

Гринева (*вздыхнув*). Это точно. Муж честный был, и вот... Гадкие люди всегда будут побеждать. А честные должны страдать. Господь так устроил.

Махонин. Для чего?

Гринева. Мы того знать не можем. Может, ему так легче выбирать, кто ему ближе.

Махонин. Того он и возьмет к себе?

Гринева. Того он и возьмет. А другим еще рано, надо им тоже дать шанс. Стать людьми. Вроде этого Коробченко... Нет, это же надо так рассказать! И замок перекусили ему! И деньги в багажнике! (*Хохочет.*)

Сцена уходит, затемнение.

Сцена 5

Салон стрижки животных. Стойки с собачьей одеждой, полки с кормами в баночках и пакетах, стол для стрижки. Слева дверь из приемной и, ближе к зрителю, окно на улицу; справа дверь в ванную, в глубине еще одна дверь. Эльвира Витальевна и Таня.

Эльвира Витальевна. Такая противная собака у этой Незлиной. Такая злющая! Сегодня должна появиться, а лучше б не приходила.

Таня. Ой, правда, Эльвира Витальевна, вот уж гадкая! Йорки обычно тихие, а эта... Мы ее в ванне мыли, она выскочила, прыгает на нас, мы ловим, все мокрые, а она прыгает и зубы такие, цапнуть! Представляете? Не знаем, как взять ее, вертится, и все укусить! Кое-как...

Входит Незлина в норковой шубе, без собаки. Ведет себя сдержанно.

Э.В. (*Тане.*) Легка на помине... Белла Аркадьевна! Наконец-то! Давно у нас не были. Хотите к Новому году постричь?

Незлина. Да, здравствуйте. Вот зашла.

Э.В. Прекрасно! А где же собачка?

Незлина. Она в машине. Я узнать: сегодня Марина стрижет?

Э.В. Сегодня, сегодня Мариночка! С двух часов, как раз через час, да она раньше придет, через полчаса. Давайте вашу красавицу! Вашу Дездемоночку, я правильно помню?

Незлина. Дульцинею.

Э.В. Дульцинеечку, простите! Прекрасное имя! Я помню, что имя прекрасное, у вас такой вкус! (*Про себя.*) А лучше бы Дездемону, чтоб ее кто придушил... А пока гардероб наш не желаете посмотреть? У нас новая зимняя коллекция прекрасная, только что из Австрии.

Незлина. Ну что же... Если недолго, а то она в машине одна.

Э.В. Танечка, покажите Белле Аркадьевне новую коллекцию.

Таня (*показывает стойку со множеством собачьей одежды*). Здесь у нас шубки для мальчиков и девочек – беличья, норковая, здесь жилеточки разных фасонов, свадебные платья, фата... Сейчас европейская мода новая, это новые фасоны, полный свадебный убор для девочки... У вас ведь девочка, Белла Аркадьевна, йоркширский терьер.

Незлина. Ну конечно.

Таня. Для йорков как раз большой выбор жилеточек, шубки тоже самые свежие, только получили, мы вам другие сейчас принесем...

Незлина. Пока достаточно.

Таня. Сейчас у нас стрижка замечательная, новогодняя стрижка, стрижем головку под косичку с бантом, здесь бантики разных цветов – белоснежный, лиловый... Но это для дома. Мальчикам стрижем бородку, модели «шкипер», «испанский гранд»... Если вдруг нужен будет мальчик, Белла Аркадьевна.

Незлина. Нет, пока нам не нужно. А из норки шубка сколько?

Э.В. Всего пятнадцать тысяч. Замечательный фасон для девочки, чудо! Конечно, возьмите норковую, у вас собачка такая миленькая, ей так пойдет!

Незлина. Это дорого.

Э.В. Что вы! Это же настоящая Австрия! А у вас такая собачка, чудо! Такая красавица, глазки такие умные, нежные. Самая симпатичная из наших йорков. И норковую шапочку, смотрите какая прелесть (*расправляет и вертит шапочку на кулаке*). Всего три тысячи. Вам мы за семнадцать отдадим весь набор. Ей так пойдет!

Незлина. А ей не будет велика?

Э.В. Шубка? Ну что вы, мы примерим, у нас разные размеры, А фасон! Это же последняя мода. Мы вам такую подберем, ни у кого не будет, только у вас!

Незлина. Ну хорошо, мы тогда через полчаса к вам.

Э.В. Ждем, ждем!

Незлина уходит. Эльвира Витальевна устало проводит рукой по лицу. Входит Незвестный с пакетом. Пытается вынуть из пакета три тяжелых огромных тома, видны золоченые корешки. Эльвира и Таня вопросительно смотрят.

Неизвестный. Вас интересует энциклопедия в трех томах?

Э.В. Что-что?

Неизвестный. Половая энциклопедия. Полное освещение всех вопросов, со всех сторон.

Э.В. Что, простите, со всех сторон?

Неизвестный. В трех томах, половая энциклопедия. Всего десять тысяч.

Э.В. Нет, нет, не нужно, спасибо.

Неизвестный. Могу уступить за девять. Лучшее издание, с французского, с добавлением Академии наук. Все вопросы со всех сторон. Жизненная книга.

Э.В. Спасибо, спасибо. Мы пока обходимся, со всех сторон не нужно. Лет через двадцать приходите, мы почитаем обязательно.

Неизвестный. Вы уверены, что это правильно? Всесторонняя книга, редкая вещь.

Э.В. Ну... оставьте там. Я погляжу. Подождите там.

Неизвестный уходит в левую дверь. Хохот. Пауза.

(*Озабоченно.*) Танечка, вы ручаетесь за этих молодых людей?

Таня (*горячо*). Эльвира Витальевна, это самые дисциплинированные у нас ребята! Отличники учебы! У них одни пятерки! Очень ответственные!

Э.В. Что же, у них нет стипендии?

Таня (*удрученно*). Нет. Они сами платят за обучение. Им, наверное, дадут стипендию... потом.

Э.В. Вот как. Какие интересные порядки. Ну что ж, сегодня Марина стрижет, она опытная, подскажет... И вы уж тогда сами тоже присмотрите. Я на вас полагаюсь. *(Строго.)* Не подведите меня.

Таня *(горячо)*. Я буду сегодня до самого вечера! Я прослежу, конечно!

Э.В. Чтобы с животными никаких происшествий! *(Уходит, в дверях встречается с Мариной, они неслышно разговаривают, Марина согласно кивает. Эльвира Витальевна уходит.)*

Марина. Привет, Танюш.

Таня. Привет.

Марина. Пойду переоденусь. *(Уходит в дверь в глубине. Входят Коробченко и Рыбкин. Озираются, смущены. Рыбкин берет с полки и нюхает банку с кормом, кладет обратно.)*

Коробченко *(трогает вешалку с собачьей одеждой, свадебное платье)*. А это что за хрень?

Таня. Это вам не нужно. Потом рассмотрите. Главное, будьте аккуратны. *(Показывает стол для стрижки.)* Вот сюда привязывают за шею, туго. Пока она стоит, стригут ей голову, спину, лапки. Потом кладут на спину вот так на стол, лапки растопырят, стригут ей живот, лапки изнутри, под хвостом, везде. Нужно придерживать. Понятно?

Рыбкин. А... большая она?

Таня. Сегодня больших не будет. Кажется, есть одна овчарка немецкая, но их не стригут. Их моют, вычесывают...

Коробченко. Моют??

Таня. Моют в ванне, надо держать. Ничего нет сложного, просто одни любят мыться, другие нет, вырываются. Коты особенно. Никак не хотят, царапаются.

Коробченко. Коты??

Таня. Сегодня нет котов. Я просто говорю. По времени это час-полтора, иногда два. Вначале моют, сушат. Когти чистят, покрывают лаком. Ничему не удивляйтесь, ведите себя прилично. Вы отличники учебы, понятно?

Рыбкин. Тань, ты че, понятно. Ходим плавно, типа, собаку съели на этих делах.

Таня. Вам Марина поможет, если что. И я тут все время. Главное, рот раскрывайте пореже. Что скажут, кивайте, мол, ясно. Смотрите, я поручилась за вас! Боюсь я что-то...

Коробченко. Не, Тань, мы нормально, не парься.

Таня. Готовьте стол вот сюда. Вот так сюда ставьте. *(Ставят стол.)* Мастера не отвлекайте. Помогайте держать, и все. Собака может нервничать – спокойно, ласково с ней. Собака не виновата, что люди... собака ни при чем. Вот фартуки ваши, надевайте. Давайте, завяжу. *(Коробченко и Рыбкин надевают фартуки. Входит Марина в синем халате и клеенчатом фартуке; почти сразу за ней из двери слева входит Незлина с собакой в руках.)*

Незлина. Мариночка, здравствуйте. Вот мы пришли. *(Смотрит на молодых людей с недоумением.)*

Марина. Замечательно. *(Уверенно берет собаку, ставит на стол.)* Сейчас мы нас пострижем... будем мы красавицы, красавицы... Бантик нам лиловый? У нас глазки немного розоватые.

Незлина. Лиловый ей пойдет, мне кажется.

Марина. Лиловый, конечно. Ее оттенок подберем. Ну, все в порядке. Как обычно, Белла Аркадьевна, часа полтора. Пока мы ее помоем, высушим... Потом с вами вместе примерим шубку, шапочку...

Незлина уходит. Идут приготовления к стрижке. Ребята неуклюже топчутся.

Тань, ты показала им? Ничего нет сложного. Здесь одному делать нечего. Так что потом они будут уже по одному – Таня, так?

Таня *(кивает)*. Так. *(Горячо.)* Они справятся!

Марина *(ребятам)*. Идите в ванную, мойте руки, вытирайте насухо. *(Ребята уходят в дверь направо.)*

Тань, по-моему, они такие же отличники учебы, как я премьер Колумбии. Нет?

Таня прикладывает палец к губам.

Поняла. *(Сноровисто пристегивает собаку за шею.)*

Возвращается из двери справа Коробченко.

(Ему). Держи вот так здесь. Еще чуть подтяни.

Коробченко. А! *(Невольно дергает поводок.)* Цапнула, сволочь! *(Держится за руку.)*

Марина. Отпускай скорей! Ты же ее задушил!

Теребят собаку. Она без сознания. Возвращается Рыбкин, смотрит в недоумении.

Бегом в аптеку, Тань, нашатыря! Скорей! *(Таня убегает в левую дверь.)* Водки нет у нас? Нет, какая водка, портвейна бы. *(Рыбкину.)* Бегом в магазин, деньги в сумке у меня! Красного, градусов двадцать, портвейна сладкого, сладкого, ликера, Амаретто, любого! *(Разводит и сводит собаке лапы. Рыбкин убегает. Коробченко.)* Делай ей массаж вот так. *(Прыскает водой собаке в морду.)* Еще делай, делай. *(Щупает пульс на шее, слушает.)* Дышит, жива. Делай массаж вот так, гладь по груди. Мы за нее не рассчитаемся...

Коробченко *(гладит)*. У, сволочь.

Марина. Гладь нежно, нежно... чуть потверже. Хоть бы она их не увидела. Глянь в окно, уехала она? Хозяйка?

Коробченко *(смотрит в окно)*. Нету.

Марина. Слава богу. *(Снова набирает воду в рот и прыскает собаке в морду.)*

Таня *(вбегает с пузырьком)*. Жива?

Марина. Давай скорей. *(Сует собаке под нос пузырек)*. Ничего, сейчас... О, очухалась. Можно ли стричь, не знаю. Какая-то она квелая... Где этот друг твой, скоро?

Вбегает Рыбкин с бутылкой.

Открывай. Там штопор и чайную ложку в тумбочке, пластиковую!

Открывают бутылку, Марина вливает собаке чайную ложку вина.

О, повеселела. Собаку не так просто удушить. А ну-ка еще одну *(вливает вторую)*.

Коробченко *(держит собаку)*. Мало, дай еще.

Марина. А давай *(вливает еще две-три ложки)*.

Коробченко *(держит)*. Сволочь... Друг человека.

Марина. Давай ее на ноги поставим. Потихонечку... вот так. Держи теперь сам без пристежки, тихонечко... Если б, милый, собака была друг человека, ее прогнали бы в первый день. Собака друг хозяина, а не человека. Для того и держат. Чтоб любила одного тебя... *(Стрижет машинкой, по ходу стрижки меняя насадки.)* Вот мы какие, винца приняли... молодцы... мы веселенькие, вот мы будем какие на Новый год. Держи прямо. Раньше так вертелась, замучаешься, а сейчас так хорошо! Самой бы тяпнуть стакана полтора. Во-от... Клади на спину. Держи вот так. Вот, мы везде пострижем... у нас все чистенькое, мы умницы, не сдохли, умницы... не околели... А то бы нам хана с этой лавочкой... Во-от... Ну все, тащи ее в ванную.

Коробченко *(Рыбкину)*. Неси ее, заразу, а то я ее там прикончу.

Рыбкин осторожно уносит собаку в дверь направо. Марина, Таня и Коробченко.

Марина. Налей нам всем по полстакана. *(Коробченко наливает вино в три стакана, они пьют, Таня отпивает глоток.)* Фу... Ну нет, я сегодня не смогу больше. Такой стресс. Руки дрожат, смотри. Танюш, будь так добра, перенеси остальным на завтра... и там дальше. Скажи, всех успеем до Нового года, а сегодня никак. Скажи, занята. А то напортачу что-нибудь, голова не на месте. Помой ее, пожалуйста, тепленькой водичкой и оботри. А то она там еще одного тяпнет. *(Таня уходит в дверь направо. Марина и Коробченко.)* Я не могу... Еще бы наверно пять минут, и все, околела. Ну, ты и рванул! Сила есть. Думала, позвонки ей сломал. Я чуть не умерла. *(Возвращается Рыбкин, смотрит на стаканы.)* Давай, если хочешь, выпей. *(Рыбкин качает головой.)* Тогда вы идите, ребята, мы тут сами закончим. Вы хорошо помогли, ничего не скажешь. *(Коробченко.)* Что рука, сильно?

Коробченко. Кровь... прокусила. Так, не очень.

Марина. Ну, ничего, они привитые, ничего не будет. Там бинт у нас в аптечке. Возьми, я перевяжу. Собаке тоже нелегко, надо понять. Поживи-ка – из ванны в шубу, из шубы в

платье, из платья в жилетку и год без мужика. Одни переодевания. Очумеешь. Ой, извини... Тебя как звать?

Коробченко *(достает бинт)*. Копче... Анатолий.

Марина. Меня Марина. Давай *(перевязывает Коробченко руку, тот смущен, неуклюже переступает)*.

Возвращается Таня, несет собаку, завернутую в полотенце. Марина сушит собаку феном.

(Коробченко). Ладно, крещение принял. До свадьбы заживет. Не унывай. Думаешь, меня не кусали? Вон руки *(показывает руки)*. Это твой там мотоцикл? Не боишься зимой кататься? Ведь холодно, можно простудиться. И скользко, опасно.

Коробченко. Ничего, я не гоняю.

Марина. Ох, а я любила когда-то... Тогда еще не было таких, только появились. Я хулиганка была, такое вытворяла... Увидимся, если нас всех не попрут. *(Ребята снимают фартуки, уходят. Таня убирает бутылку и стаканы, Марина завязывает собаке бант. Через некоторое время входит Незлина.)*

Марина, Таня и Незлина. Таня прибирает на столе.

Незлина. О, какая веселенькая, глазки какие! Вы прямо чудеса делаете, Мариночка!

Марина. Это наша работа, Белла Аркадьевна. Все для наших клиентов. Делаем с любовью, вот и у собаки хорошее настроение. *(Собаке.)* Дульцинея, с наступающим!

Незлина. Замечательно! Просто чудо, она никогда не была такой веселой. Дулечка моя! Такая веселенькая, ай ты, умница! Я решила, возьму у вас шубку и шапочку.

Марина. Конечно, сейчас мы все примерим.

Затемнение.

Сцена 6

Коридор факультета на другой день. Андрей и Таня, Андрей всю сцену мрачен.

Андрей. Кто же этому поверит? Он считает людей идиотами?

Таня *(просительно)*. Но ты же сам это придумал!

Андрей. Я же не всерьез, я фантазировал! Ну вы... Да мало ли что можно придумать! *(Усмехается.)* Наловить каких-то псов, налепить объявлений... Ты в это веришь? Ведь это людей считать я не знаю кем!

Таня *(робко)*. Может, если будешь ты... тебе поверят? Больше никому, а тебе поверят! *(Поспешно.)* Ну не придут и не надо!

Андрей. Да не в этом дело! Это же... свинство! Кем мы будем выглядеть? *(Нервно ходит взад и вперед.)* А завтра эти покупатели придут нас искать? А? Таня!!

На заднем плане проносят елку, оба посторонились.

Таня. Они из-за денег, им нечем платить... Они еще что-нибудь придумают... Они же дураки. Их посадят... *(Внезапно плачет, прижав голову к груди Андрея. Андрей обнимает ее, взволнован.)*

Андрей. Ну что ты... из-за них? Ты уже пыталась их устроить и что вышло? Ну? И с ними везде будет то же. Это их уровень жизни. Брось их. Ну что тебе их проблемы? Тебе зачем?

Таня *(успокаиваясь, вытирая глаза)*. Андрюша, не обижайся, у тебя другая жизнь, конечно... *(Пауза.)* Можно, я тебе расскажу кое-что?

Андрей. Конечно!

Таня. Только ты никому, ладно? У меня же нет никого, кроме матери. Отца не знаю, как жила, не буду говорить. И мать не здесь... не здесь живет. Ну, звонит, помогает. А уже полгода кто-то переводит деньги. Сначала было десять тысяч, сейчас пятнадцать.

Андрей. Кто?

Таня. Если б я знала.

Андрей. И ты берешь?

Таня. Матери сказала, она говорит, я знаю кто, бери. Так странно... будто обрадовалась. Она последнее время какая-то не в себе. Болеет часто.

Андрей. Может, это отец?

Таня. Я так и поняла, что он жив и знает где я.

Андрей. А откуда переводы?

Таня. В том-то и дело... Не буду пока говорить. (*Продолжительная пауза.*) Мне, знаешь, часто снится один и тот же сон. Такая странная дорога и я по ней иду. Тон какой-то сиреневый или фиолетовый, вечер, что ли. Дорога, и на ней по сторонам чужие дома. Всё дома', дома' и в них кто-то живет, но меня нигде нет. И я иду, иду...

Андрей (*убежденно, с силой*). Таня, три-четыре года, мы окончим эту лавочку и мы поднимемся. Я серьезно, поверь.

Таня. У-у, куда ты смотришь. Ты поднимешься, Андрюша, только для этого тебе нужна не я. (*Отвернувшись.*) А я проживу обычную жизнь. Я ее вижу впереди, как эту дорогу... Иногда, правда, бывает такая радость, такая... столько в тебе, кажется, сил! Так бы жила и жила! Когда пою, это бывает... Хочешь, я тебе спою?

Андрей. Спой.

Таня. Нет... не сейчас. Я устала, голос будет пустой. Потом как-нибудь, ладно? Может, на вечере... если все будет хорошо. (*Полушутливо.*) Кому я нужна? Я никому не нужна. Я хочу быть кому-нибудь нужной!

Андрей. Таня!!

Таня. У тебя поет душа, Андрей? Как мне хотелось бы, чтобы пела душа! Ведь мы молоды! Это лучшие годы, говорят, а я не чувствую. Ты чувствуешь?

Андрей. Таня! Ты будешь со мной на Новый год? Я серьезно. Не мучай меня.

Таня (*тихо*). Посмотрим. Может быть.

Андрей. Я тебя прошу, брось их! Ну что они тебе? Какие они тебе друзья?? Ты такая одна из тысячи!

Таня (*отвернувшись*). Только-то? Всего-то? То, что я пою, так таких миллион.

Андрей (*глухо*). Для меня ты одна.

Таня (*испуганно взглянув*). Ой, Андрюша.

Андрей. Ты мне не веришь?

Таня (*борясь с собой, вполголоса*). Не нужно сейчас, не говори ничего. Мы поговорим потом, ладно? (*Пауза.*) Ты нам поможешь?

Андрей. Ты же знаешь, я для тебя... но это не шутки уже.

Таня. Там только ты один сможешь. Без тебя действительно выйдет одна глупость. Ну, представь, что это скетч. (*Небольшая пауза.*) Я пойду, там теормех... узнаю про контрольную.

Андрей. Ты что, ее не писала???

Таня. Времени совсем не было. (*Уходит влево.*)

Андрей один, стоит молча, затем уходит в другую сторону, на выход. Несколько секунд сцена пуста, затем справа входят Незлина и Рома. Незлина в расстегнутой шубе, Рома без верхней одежды. Медленно идут, останавливаются.

Незлина. Деточка моя бедная. Ты влюбился, ты не учишься. Ты такой способный мальчик.

Рома. Я не могу... я ее когда вижу, как солнце взошло. Так бы и смотрел.

Незлина. Они же все хулиганы. Босяки. Бандиты самые настоящие. И она такая же. Я ее в салоне вижу, такая... себе на уме.

Рома (*отрицательно качает головой*). Нет, она не такая.

Незлина. Ромочка, надо терпеть. Отец пока не может тебя перевести, там такой конкурс, ты же знаешь. А здесь он поговорит, Леонид Михайлович поставит тебе экзамен. Все будет хорошо. (*Пауза.*) Я, помню, сама в школе ненавидела все эти... гипотенузы. Тфу! Такая гадость.

Рома (*с внезапной силой*). Мама... мне без нее жизнь не нужна!

Незлина. Сыночек, Рома... терпи. Потом будет легче. Маме ты можешь все сказать, но что же делать. Терпи... Это такая жизнь, надо терпеть.

Обнимает сына, Рома беззвучно рыдает. Уходят вправо, с другой стороны входит Таня. Таня, одна.

Таня. Ушел... Он прав, наш дорогой Андрюша. Затея вся дебильная. И пускай. Чем тупее, тем лучше. *(Пауза.)* Кто я ему? Разве я могу верить? Все вперед сосчитал... Выбросить из мыслей это... и пусть он... пусть он *(внезапно горестно плачет, большая пауза)*. Как странно... Мне всегда так радостно было всё! Так было радостно всегда! Что же вдруг? *(Пауза.)* Не то я делаю, кажется. Совсем не то бы мне делать, да где оно, *другое??* Где ты есть, другое? Ау! Ты спряталось где-нибудь? Другое, где ты? Или тебя нет? Почему тебя нет? Почему нигде нет *моего*? Я так хочу жить! Жить, жить! Андрей, такая умка, что же ты не ловишь совсем?..

Входит слева Рыбкин, всю сцену угрюм. Рыбкин и Таня.

Рыбкин. Зараза, прогнала. Оказалась не та шпора на мобильнике. Ничего, я их все равно всех... Чего ты, Тань?

Довольно долгая пауза. Таня вытирает глаза. Рыбкин хочет что-то объяснить.

(Глядя под ноги, угрюмо.) Тань, я понимаю... Я все лезу... но я из-за бабок, я говорил... Он там всем чужой, отец. У них там у всех – кто в вырезвителие шмонает, кто азеров пасет, кто как. А он не берет с людей. Говорит, мать учила чужого не брать. А шефу все равно надо прислать. А под новый год тем более. А тем более выживают его... отца, потому что пьет. Стал часто последний год. Сосед бодяжит спирт по дешевке, вот у него берет. Предлагал отцу крышевать – отказался... Леха Буравчиков, у него отец на тротиле погорел, предлагал откупиться через моего – отказался. *(Пауза.)* Он с работы приходит, сразу накатило и сидит молчком. Я знаю, когда он такой. Он норм вообще, не кислотный, а тут к нему вообще не подходи. Еще старуха мать поскользнулась и шейку бедра сломала, теперь в гипсу, как эта... костяная нога. И меня сократили, бабок нет вообще.

Таня *(задумчиво)*. А... Коля, ты не знаешь, он последнее время денег никаких не посылал никому? Переводов, денег?

Рыбкин. Денег? Нет... ты че, какие? *(Пауза.)* В общем, Андрюха не пойдет, что ли?

Таня. Ты к нему не лезь сейчас. Я сама...

Затемнение.

Сцена 7

Вечер того же дня. Незлин-старший и Незлина, одеты по-зимнему, идут по улице. Незлин встретил жену, и они вместе возвращаются

Незлин. Ну что там? Нет, погоди, я тебе расскажу. У меня сейчас одно исключительно интересное дело. Представь, в роддоме перепутали детей... младенцев, девочек.

Незлина. Где, у нас?

Незлин. Нет... неважно. В одном городе, довольно большом.

Незлина. И что в этом такое?

Незлин. Ты послушай! И почти девятнадцать лет...

Незлина. Я не хочу этого слушать! Я думала, что-нибудь. У нас Ромочку никто не перепутал, а у него зачета нет и он влюбился в бандитку! Бандитку самую настоящую! Наш бедный мальчик... Ты бы пошел поговорить с Леонид Михайловичем, а потом уже другие ваши дела. И Дулечка заболела, я уже не могу так жить...

Незлин. Что с ней?

Незлина. Я не знаю, она такая вялая и у нее какой-то запах!

Незлин. Откуда?

Незлина. Что откуда? Ну откуда же запах, изо рта! Как будто она пила водку.

Незлин. Бэлочка, ну дай ей опохмелиться.

Незлина. Ах, боже мой, Марик! Ты меня не слушаешь! Наш Рома...

Незлин. Я поговорю там, успокойся.

Незлина. Он влюбился в бандитку!

Незлин. Ну что ты хотела, такая семья, сын с бандиткой, собака пьет водку... Так вот, по этому делу теперь оказывается...

Незлина. По какому делу?

Незлин. Про которое я тебе рассказываю. Тянется уже третий год. И я на самом деле все время был против. Ты представь? И всё было против! Такой неприятный истец... Я просто тянул время. И представь, теперь оказывается... *(Фраза исчезает в негромкой музыке. Уходят.)*

Конец I действия

Действие II

Сцена 1

Вечер в салоне стрижки животных. Без ведома хозяйки идет продажа собак. Андрей, Коробченко с перевязанной рукой и три *покупательницы*. На привязи 2-3 небольших дворняги в намордниках, лежат неподвижно. Рыбкин заглядывает и исчезает.

Андрей *(мрачен, но держится солидно, с видом специалиста)*. Это сирийский терьер, собака-миноискатель. Очень редкая, везут в Россию транспортным самолетом. Летчикам некогда продавать, вы же понимаете. У нас связь с авиаотрядом.

1-я покупательница. А... какие на них свидетельства?

Андрей. Свидетельств пока нет. Да вы же, по-моему, были у нас позавчера?

Неопределенное молчание.

Мы сейчас занимаемся получением аттестатов. Собаки прошли анализы, но это долгая процедура. Дело в том, что у этих собак обнаружилось... деликатное свойство *(изображает смущение)*. Вы уже, может быть, слышали. У них особенное чутье. Необычное устройство носа. Они натасканы на мины. Собака спокойная исключительно, вы сами видите. Но оказалось, что... моментально чувствует измену мужа. Чуть только... запах духов или что-то такое... чужое, враждебное. Понимаете? Малейшее что-то, сами вы не услышите никогда. Помада, некоторые виды косметики... Но не ваши, понимаете? Чьи-то чужие. Собаки натасканы на мины, вы представляете, какое у них чутье? Вот эта черная, еще даже не отмыта, прямо с минного поля. Посмотрите, какой нос. Сирийский терьер. Ценнейшая порода. Чует микроскопические дозы.

2-я покупательница. И что же происходит? Ну вот он... неверен?

Андрей. Бросается на него сзади исподтишка, молча. Рвет брюки и убегает куда-нибудь под диван. *(Пауза.)* У нас не верили, собака новая в России. Люди собак-миноискателей не видели, это же понятно.

2-я покуп-ца. Что же они, и на мины так бросаются?

Андрей. Случалось. Их гибнет много.

3-я покуп-ца. Скажите... а если жена? Ну вот... случайное что-то у нее... произошло?

Андрей. Ноль внимания. Совершенно спокойна.

3-я покупательница. Бросается только на мужа?

Андрей. Только. Исключительно.

2-я покуп-ца. Ай, да собака! А вы не сочиняете?

Андрей *(с достоинством)*. Что же нам за три тысячи километров дворняг каких-то повезут? Там эти собаки на вес золота. Их не хотят отдавать. Меняли на гуманитарную помощь. Что вы! Вы посмотрите, какой взгляд. Это Мегре в шкуре! *(Значительно.)* Сирийский терьер!

2-я покуп-ца. И что же, вот она вдруг бросится... на него. Как же дальше?

Андрей. Но вы же не станете объяснять мужу, что это значит? Извините.

2-я покуп-ца. Но... это же собака, разве это... доказывает?

Андрей *(значительно)*. Я вас понимаю. *(В сторону.)* Давай крутись, если взялся. *(Покупательнице.)* Дело в том, что состав женской косметики другой, чем у мужской. У женской похожий... на мину. В каком-то смысле. В этом все дело. А они натасканы на мины. И особое устройство носа, сверхчутье.

3-я покуп-ца. И что же, если жена... вдруг, то ничего? Если, ну... нечаянно у нее случилось?

Андрей. На мужские запахи никакой реакции. Ноль. Там же, понимаете, одни солдаты кругом. Все пахнут одинаково.

2-я покупатель. Все-таки это невероятно. И какие-то они... простые.

Андрей пожимает плечами.

1-я покупатель. Но что же так дорого?

Андрей. Да разве это дорого? Двадцать две тысячи? Какие-то йоркские терьеры по пятьдесят, а что от них проку? Одна бестолочь, дрянь. А вы представляете, что стоит три тысячи километров транспортным самолетом? Да еще вывезти из страны собаку-миноискателя? В военное время. Поэтому мы... понимаете? Не очень афишируем. И просим вас тоже... только хорошим знакомым. *(Вздыхает.)* Что делать, такой бизнес, свои риски. Военная обстановка. Так что это еще дешево, они будут дорожать.

Рыбкин заглядывает из левой двери и зовет жестом Андрея.

Простите, кажется, привезли еще одну. Берем сейчас по одной. Мы бы рады... но их расхватывают... *(Уходит.)*

3-я покупатель *(к Коробченко, который до этого прохаживался с деловым видом)*. Молодой человек, а чем их кормить?

Коробченко *(не задумываясь)*. Хакает все подряд. В сирийских развалинах, представьте, что ей там есть? Если только крысу какую-нибудь хопнет.

3-я покупатель. Крысу?? Какой ужас. Как же... Где же я возьму ей крыс?

Коробченко *(не задумываясь)*. Крыс не нужно. У нас в России ест колбасу со свалки.

3-я покупатель. Со свалки??

Коробченко. Мы просто проверяли. Готовим аттестаты, такой порядок. На той неделе оформляем. Ужасный бюрократизм. Все проверяют. Зубы, глотку, образцы шкуры... то есть шерсти. Зубные протезы...

2-я покупатель. У них что, протезы?

Коробченко *(не задумываясь)*. Американцы ставили протезы. Собаки ценные, за ними особый уход. *(Пауза.)* Очень долго идет оформление, везде затраты...

2-я покупатель. Кажется, я где-то уже видела эту породу.

Коробченко. В Россию тридцать с чем-то штук завезли. У нас семь собак было, четырех сразу продали.

1-я покупатель *(двум другим, доверительно)*. Я вам скажу... моя соседка взяла себе такую.

2-я покупатель. Да что вы! И что же?

1-я покупатель. В том-то и дело. В первый же вечер мужу брюки... Вы понимаете?

2-я покупатель. Порвала?

1-я покупатель. Чуть не до колена. Из-под дивана как выскочит! Вот, пришла за второй... соседка послала за второй.

2-я покупатель. А что же первая?

1-я покупатель. Муж ее куда-то отнес... соседкин муж. Сказал, еще раз принесешь, выгоню обеих. Теперь не знаю...

3-я покупатель. Так не изменял бы жене! Нет, ты подумай! Собака ему виновата!

1-я покупатель. Вот... Теперь не знаю, брать или нет... для соседки. Прямо не знаю. И без документов опять.

2-я покупатель. Да как же она? Так и бросилась?

1-я покупатель. Моментально. Только пришла с ней, еще не кормила... Соседка, я имею в виду. И муж приходит. А время десятый час. Ка-ак она из-под дивана! Я и моргнуть не успела. И пол-штанины... Только треск пошел. Не знаю теперь. Сказал, прогонит, а он такой... у соседки.

3-я покупатель. Скажите, а вот у этой, что это у нее одно ухо так?

Коробченко *(не задумываясь)*. Ранение. Фронтальной. Мина рванула рядом... близко.

3-я покупатель. А это не повлияет?

Коробченко. Одно ухо не слышит. Но аппетит нормальный.

Возвращается Андрей.

Андрей. Иди, там надо анализы... Займись. *(Коробченко уходит.)*

3-я покупатель-ца. Скажите, а ее можно взять вот так, с поводком?

Андрей. Ладно уж, берите с поводком. Вон ту крайнюю советую. Очень спокойная, все время спит. Это признак чутья. Зря не тревожится. *(В сторону.)* Обкормили так, что идти не могут.

3-я покупатель-ца. Я тогда...

Андрей. Да, забирайте. Там в приемной девушка вам оформит документы. Собака исключительно спокойная. Сирийский терьер, вы же понимаете.

3-я покупательница уводит собаку.

1-я покупатель-ца *(про себя)*. Нет, наверное, не буду. Сказал, выгонит... С него станется. *(Вздыхает, уходит.)*

Андрей и 2-я покупательница.

2-я покупатель-ца. Извините меня... Вы, я вижу, порядочный молодой человек. Но вы так молоды, вы не поймете... Это так ужасно подозревать близкого человека. Да еще покупать для этого какого-то пса. Я его заранее ненавижу. А вдруг... действительно?

Андрей. Мы можем дать вам напрокат на неделю. Но это почти то же выйдет по деньгам.

2-я покупатель-ца. Я ведь не об этом... Что эти деньги. Это так больно. Вы так еще молоды... Вы ведь не можете обмануть? Вот если бы вы... простите меня. Вот вы любили бы девушку... женщину. Разве вы стали бы ее обманывать? И вдруг вот так. Эти собаки, они отвратительны. Что же это, как на войне, следить, подозревать? Там мины, ладно. А здесь? Разве так должны жить люди? Разве это правильно? Боже мой, я, кажется, убью эту собаку, если окажется... Но я возьму у вас... только, знаете, дайте мне вот эту раненую. Пусть лучше у нее будет плохой нюх, чем... чем узнать такую гадость. Я возьму вот эту с плохим ухом. Вы ведь меня не обманываете? У вас такие глаза. Я вам почему-то верю. Если она... не бросится на мужа, значит, у нас все хорошо, ведь правда?

Андрей. Конечно. Даже не сомневайтесь. Это проверенные собаки, за каждой по десятку мин. Тихая собака – прочный мир в семье.

2-я покупатель-ца. Может быть, я еще буду ее любить, правда же?

Андрей. Конечно. Берите уж с поводком, мы вам дарим.

2-я покупатель-ца. Спасибо *(уводит собаку)*.

Андрей *(один, еще помрачнев)*. Надо заканчивать этот цирк. *(Зовет жестом из приемной, входит Рыбкин.)*

Ну что? Позавчера одна, сегодня две, может, хватит? Шестьдесят шесть тысяч. Не дай бог, придет хозяйка, подставим Татьяну.

Рыбкин. Я говорил, давай по двадцать девять будем! Давай хоть этих двинем по двадцать девять. Я тоже больше не хочу, я на этой свалке сам озверел. А еще попробуй их отмой.

Андрей. Хозяйка может в любой момент придти, ты русский язык понимаешь? А тут псиной воняет.

Рыбкин. Куда же мне их?

Андрей. Волоки обратно. Накормили, и за это пусть спасибо скажут. Спали беспробудно.

Рыбкин. Такая идея была! Ты же сам это...

Андрей. И чем кончится? А завтра этот муж увидит, что это за терьер-миноискатель. Что он, дурак, что ли? И придет сюда за деньгами. Хорошо, если за деньгами... а не по твою душу.

Рыбкин. Она же не скажет ему про терьера! Купила и купила, мало ли кого она себе купила. Она молчать будет! Риска никакого. Порвет псина мужа – хорошо, не порвет – опять хорошо, никакого риска! Все продумано!

Молчание.

Зря ты... Мы бы их легко. Ты ж сам все придумал!

Андрей (*сухо*). Думаешь людей за дураков держать? Хоть и женщин?

Рыбкин. А кто ж они?

Андрей. За чужой счет хочешь утверждаться? Считаешь, все уроды?

Рыбкин. Что мы теряем? Конечно, тебе зачем... У тебя нормально все.

Андрей. Нет, ты как? Считаешь, все уроды? Дело не во мне... но может, и я?

Рыбкин (*насупись*). При чем ты? Ты вообще – бугор. Но ты не козырный.

Андрей (*он в ярости, но мягко берет Рыбкина двумя пальцами у воротничка рубашки, подтягивает к себе*). Ну-ка давай, рожай?

Рыбкин (*делает невольный шаг вперед, но в прежнем тоне*). Ты подпорку ищешь. Она в эти твои подпорки не пойдет.

Андрей (*так же мягко отодвигает и отпускает Рыбкина*). Что еще?

Рыбкин. Ты это... полегче. Копченого прессуй.

Андрей. А про нее... ну-ка?

Рыбкин. Она в нашем дворе росла.

Андрей. И что?

Рыбкин. То. Она пережила... чего вам не видать. У вас бы уши обвисли. А она песни поет.

Пауза. Входят Таня и Коробченко.

Таня (*деловито*). Ну что, я закрываю? Больше никого нет.

Андрей. Да. Собак Николай убирает и мы вообще заканчиваем.

Таня. Вообще заканчиваем?

Андрей. Здесь вообще. А дальше без меня. Ты побрызгай тут дезодорантом, а то у твоей Эльвиры нюх хороший. Наверняка не хуже, чем у этих терьеров с помойки.

Коробченко. Что эти шестьдесят косых.

Андрей. Шестьдесят шесть. Мне вообще ничего не надо, делите на троих.

Таня. Мне тем более не нужно, делите с Колей.

Андрей. Тогда все, закрыли проблему. Мало вам, что ли? Проблему решили?

Рыбкин молча кивает, забирает оставшихся собак, они с Коробченко уходят. Андрей и Таня.

Ну, вот и все. Больше не занимаемся ими, да?

Таня. Собаками?

Андрей. И собаками тоже. Ребятами твоими. Теперь все норм?

Таня (*устало*). Все норм. (*Пауза.*) Как-то по-сиротски они ушли. Как чужие. Почему... так всё, а, Андрюша?

Андрей. Так нечестно?

Таня. Так не по душе.

Андрей. Не знаю. Наверное, по-хорошему ничего не сделать.

Молчание.

Таня (*виновато*). Ты обиделся?

Андрей. Нет.

Таня. Спасибо тебе.

Андрей. Я пойду. (*Хочет что-то сказать, но уходит.*)

Затемнение, поворот сцены.

Сцена 2

Преподавательская комната на кафедре. Гринева за своим столом, Удалов ходит по комнате.

Удалов. Ольга Павловна, я это так суммирую. Не надо подвигов, вот чего нам не надо. Не нужно Микул Селяниновичей. В Америке вообще нет героев, Америка не на героях стоит. А крошечный человечек со своей идейкой делает и делает свое – смотришь, и жизнь пошла. Форд какой-нибудь в своем сарае. Есть у человека тощенькая идейка, берись и делай. Вот чего нет у нас. А герой наворотит горы да сам, глядишь и помер. А другим его горы разгрести.

Гринева. Да кто же вам даст делать? Это все теории. Ничего не дадут. Сами говорите, прикинуться ведром.

Удалов (*уныло*). Да, вот это так. Вот поэтому так, да.

Гринева. И скотину живьем жгли в сарае, дверь соляркой облили, подожгли, и вся милиция знала, кто... Господи. Вы сначала попробуйте свою идейку куда-нибудь... Кто вам даст? Вы еще ничего не начали, а уже всем должны. А чуть поднимешься, тебя тут же мордой в грязь.

Удалов. Да. И низы у нас тоже... да. И сверху, и снизу смыкаются, да. Что вы хотите, столько лет отучали... Это искупление нашего прошлого, если на то пошло. Когда все были равны. А равных даже муравьев нет, я думаю. Все разные. Да. Вот и пошли доказывать, кто кого. Застоялась силушка...

Гринева. Да никто здесь не нужен! Всем только даром и побольше.

Удалов. Я и говорю, это наш строй воспитал паразитов. А как же? У всех права, уволить никого нельзя. Хоть пей чай целый день. Почему и рухнуло! Сгнило и рухнуло! За какую-то веревочку не ту потянули – и в один год развалины!

Гринева. Не знаю. Мне кажется, это все теории ваши. Было бы теорий поменьше, так, может, и жили бы.

Пауза.

Удалов (*думая вслух, как бы про себя*). Да, наша манера... не дать жить. Э, да провались они!

Ходит в волнении и как будто нерешительности.

Гринева. Олег Борисович, я по секрету хотела вас спросить. Может быть, вы знаете... Я слышала, у Вадима Васильевича есть дочь?

Удалов (*не сразу*). Там какая-то шекспировская история... Говорил один человек, а верить или нет, не знаю. Только это между нами! Только вам, Ольга Павловна! За что купил, за то продаю. (*Пауза.*) В общем, у них там в Москве родилась дочь, а женаты они не были. Как будто так. Ну, дело житейское. Но главное, младенцев в роддоме перепутали и она взяла чужую. Чужую девочку.

Гринева. Боже!

Удалов. Да. Такая вот штука. Собирались они потом пожениться или нет, это уж я не знаю. Может, он заподозрил что, в общем, брак разладился.

Гринева. И это открылось?

Удалов. Ну, слушайте. Вдруг поворот. Медсестра в роддоме где-то там проболталась и он узнал. Он настырный вообще мужик. И стал искать свою дочь.

Гринева. И нашел??

Удалов. Слушайте. А та другая мать с его дочкой куда-то переехала. В общем, детектив.

Гринева. Какой ужас. Когда же это случилось?

Удалов. Не могу вам сказать. (*Думает.*) Кажется, связывали с этим, помните... дефолтом? Общий фон был тяжелый... что-то такое. Не помню деталей. Да, что-то такое. В каком он был у нас, девяносто восьмом? Вот где-то там.

Гринева. Значит, ей сколько же... восемнадцать? девятнадцать? И все это время... Боже... И что же, ни одна мать не заподозрила?

Удалов. Я же говорю, другая переехала. След потерялся.

Гринева. Переехала... Не сюда ли?? Так это роман. Бедный Вадим Васильевич! Так он поэтому уехал?.. Она не здесь ли, эта дочь?

Удалов. Чего не знаю, того не знаю. Он уже давно здесь и ничего такого не слышно. Я, знаете, в это не лезу. Сам он об этом ни полслова, хоть мы столько лет приятели. Это все с чужих слов. (*Пауза.*) Я думаю, если б он нашел, то мы бы знали, так ведь? А теперь посудите. Допустим, она растет в чужой семье. Там ведь тоже... есть отец и мать? Так что если и нашел, как ему быть? Вот вам король Лир Мценского уезда. Так что... вот-с. Понимаете, каково ему... и тем, кто с ним. Если это все правда. За что купил.

Гринева. Бедный! Ну... я теперь не так буду... *(Пауза.)* А та женщина... в Москве... она замужем?

Удалов *(с досадой)*. Это уж узнавайте сами, Ольга Павловна. Вы, я вижу, его достойны! Вот ведь... рассказал на свою голову. Никому до этого не говорил! Вот простота-то моя. Вы уж хоть ему-то не передайте. Я, может, что и не так рассказал. Москвичи, знаете, такой народ, нам лучше от них подальше.

Гринева. Вот что... Бедный... Как же ему?... Что вы говорите?

Удалов. Я говорю, лучше подальше от них. Вы столичных удальцов, может быть, не знаете.

Гринева. Что ж у них такое? Мне кажется, такие же люди. Два глаза, нос посередине.

Удалов. Глаза такие же, да взгляд другой.

Гринева. Чем же?

Удалов. Москва на них налагает... Там у них, знаете, даже бани – Центральные.

Гринева. Вадим Васильевич не такой.

Удалов. Вадим... пожалуй, да. Он исключение. А все же... Вы их остерегайтесь. Вы наша, коренная, а они тут приехали... наших красавиц разбирать.

Гринева. А! Вот как.

Удалов. Уж так. *(Как бы шутя.)* Не отдадим.

Гринева. Да как же вы поступите?

Удалов. Ужасно. Дуэль! С пяти шагов.

Гринева. Да вы друг друга убьете, а мне что же останется?

Удалов. А я приду к вам, убитый, ночью.

Гринева. Ночью! Ах, боже мой. Зачем же?

Удалов. Буду вас, мертвый, целовать.

Гринева. Вот радость! *(Хохочет.)* Ну вас. Я уже вас боюсь.

Удалов. Зацелую досмерти.

Гринева. Фу, Олег Борисович.

Удалов. А вы будто против.

Гринева. Зачем вам старая больная женщина. Вон сколько молодых и здоровых. И вы сами вон какой молодец. *(Пауза.)*

Удалов *(расстроен)*. Да, вы слышали, что наших студентов забрали вчера в полицию? Сегодня звонили оттуда, я как раз в деканате был. Да.

Гринева. Кого, за что?

Удалов. Двое, наш факультет, второй курс. Замдекана поехал выяснять. Там чепуха какая-то. Собак, что ли, каких-то украли. Разберутся.

Гринева. Собак?? Да кто же это?

Удалов. Да вот, я не очень запомнил, какой-то Коробченко, что ли, и еще один.

Гринева. Боже мой.

Удалов. Ваш?

Гринева. Мой...

Входит Незвестный с пакетом.

Неизвестный. Разрешите? Энциклопедия в трех томах...

Удалов. Что?

Неизвестный. Половая энциклопедия. Шесть тысяч.

Удалов. Ну-ка... *(берет один том, листает)*. Австралийские брачные обряды... Алжирские обряды... Не желаете, Ольга Павловна?

Гринева. Фу...

Удалов. Спасибо, дорогой. *(Отдает книгу.)* Мы уж без обрядов... У нас проще. Р-раз! И все. *(Делая вид, что шутит, обнимает Гриневу.)*

Гринева. Что вы это, Олег Борисович!

Неизвестный *(назидательно)*. Незнание ведет к ошибкам.

Удалов. Проваливай.

Неизвестный уходит. Удалов и Гринева.

(После неловкого молчания.) А отчего умер ваш муж, Ольга Павловна?

Гринева. Как вам ответить? Если я скажу, что у нас умирают не от болезней, а от здоровья, вы поймете меня? Вот от этого.

Удалов. От здоровья? Пил, что ли?

Гринева. Это было последние месяца два, но... не от этого. Хотел вот, по-вашему. Быть сам себе хозяин.

Удалов. Вот как. Значит, я умру от здоровья. Да... Вот как. (Пауза). Ну... а пока я не умер... и, чем умирать, а лучше поехали бы со мной куда-нибудь отдохнуть? А? Ольга Павловна? Закатимся куда подальше. И гори все пламенем! Что нам эти все сложности или черт их там разберет, и все эти заботы, провались они! Мы свободные люди! А? Вы ведь того же мнения? Когда же еще жить?

Гринева (немного покороблена). Польщена, Олег Борисович, вашим вниманием.

Удалов. И... э?

Гринева. Много забот, Олег Борисович. Я, вы знаете, клуша. Пока-то до чего додумаюсь... Тут вот с землей надо решать. Так что прошу прощения.

Удалов. Эх! Что за народ у нас! Никакого позитива! (Уходит.)

Гринева, одна, в волнении ходит по комнате, подходит к зеркалу, поправляет прическу, уходит. Входит Домнышев, садится за стол, за ним входит Таня. Домнышев и Таня.

Таня. Можно, Вадим Васильевич? У меня последняя работа.

Домнышев. Да-да, конечно, садитесь.

Таня садится к столу, Домнышев листает отчет. Некоторое время не в силах говорить.

Домнышев. Так... Колибрина. Значит, здесь у нас синхронный...

Таня. Асинхронный.

Домнышев. Да, асинхронный двигатель. И что же... с ним? Значит, он может быть включен так и вот так.

Таня. Треугольником и звездой.

Домнышев. И звездой. И вот эти графики... Да. (Пытается шутить.) У вас в семье... не электрики?

Таня. Нет, мама портниха.

Домнышев. А...? Гм. И вы здесь окончили школу?

Таня. Да.

Домнышев. Хорошая школа?

Таня. Да, хорошо было, так весело! Учителям все до лампочки, ходили как хотели. Постановки ставили.

Домнышев. Постановки?

Таня. Да, разные такие, небольшие. Сценки. По литературе учительница была, Инна Сергеевна. Хорошая, любила ставить. И «Женитьбу» Гоголя. Я Агафью Тихоновну играла (смеется).

Домнышев (тоже смеется). Да??

Таня. А на премьере Подколесин пошел не в ту сторону, там окно было настоящее на втором этаже и он туда! Он же в окно должен убежать. Мы все бросились ловить его за фрак, весь спектакль сорвали. Перепугались, ужас! Такой мальчишка играл, он во ВГИК потом поступил. Он если в образ вошел, ему нужно полдня выходить. На Криса Хэмсворта похож, из «Гонки».

Домнышев. Хэмс...?

Таня. Хэмсворта. Девчонки от него торчали.

Домнышев. И вы?

Таня. И я какое-то время. Потом играть стали, стали друзья.

Домнышев. Так у вас друзья в Москве.

Таня. Да нет, он один. Иногда звонит, редко. Там у них своя жизнь. Хотя я там родилась.

Домнышев. В Москве.

Таня. Да. Потом мама уехала сюда. Я маленькая совсем была, не помню.

Домнышев. Вот как. Я ведь тоже москвич.

Таня. Правда? Скучаете?

Домнышев. Я? Нет. Так что мы земляки. Ну... хорошо, Колибрина, давайте мы зачем *(расписывается)*. Да, вот как. Значит, мы земляки с вами... *(Мягко.)* Да, но все-таки вуз надо окончить, у вас для этого все способности. Театр – это все-таки ненадежно, а тут будет всегда диплом, своя профессия.

Таня. Конечно, я понимаю. До свиданья *(уходит)*.

Домнышев встает, подходит к зеркалу. Его бьет дрожь. Он пытается расправить плечи, распрямляется, это словно другой человек. Уходит. Возвращается Махонин, садится за свой стол, пишет. Возвращается Гринева, тоже садится за свой стол, занимается бумагами, но то и дело задумывается. Входит опять Домнышев (опять прежний, угнетен) и сразу за ним Абдулаев с толстой папкой и пакетом. Абдулаев весь эпизод очень вежлив, предупредителен, но не заискивая, с достоинством. Домнышев садится за свой стол.

Абдулаев *(всем)*. Ассалам алайкум, драствуйте. Василь... Вадимов...внич, менга¹⁾ зачет... Можно мне зачет?

Домнышев. Садитесь.

Абдулаев садится к столу, достает отчет, тщательно расправляет. Домнышев листает отчет.

Вы, стало быть, у нас иностранец. Узбекистан.

Абдулаев. Узбекистан, да. Иностранный.

Домнышев. Нам, значит, выгодно принимать на учебу иностранцев.

Абдулаев. Деньги платим, что плохо? Менга зачет пожалуйста.

Домнышев. Ну, давайте. Вот тут у вас схема. Что вы можете о ней рассказать? Что это?

Абдулаев. Так, яхши, гранстормат розетку вилку. Это так. Потом работает правильно. Напряжение, ток.

Домнышев. Что же это такое, для чего?

Абдулаев. Так, яхши, чтобы печка пекло, жарило.

Домнышев. Вы, значит, будете у нас бакалавр.

Абдулаев. Быкалар, так.

Домнышев. Остальные отчеты все есть?

Абдулаев. *(уважительно кивает)*. Ха, албатта. Есть отчеты, так. Се есть, правильно *(бережно хлопает по папке)*.

Домнышев. Ну что ж, доставайте. Дадим зачет. Чем мы хуже прочих? *(Абдулаев выкладывает отчеты, Домнышев расписывается в зачетке и в ведомости.)*

Абдулаев. Узум, фундук, хурмо, се даю, яхши?

Домнышев. А? Нет, спасибо, не нужно.

Абдулаев. Курка, цесарка даю, яхши? Ваша, вам. Так даю. Бабло не надо.

Домнышев. Ёк, спасибо.

Абдулаев. Рахмат, спасибо.

Незаметно оставляет пакет и уходит, кланяясь всем и прижимая руку к груди.

Гринева. Мама дорогая. Это что же такое?

Махонин. Курку бы брал, Вадим, зря. И цесарка яхши. И узум, фундук тоже яхши.

Гринева. Да! А я бы приготовила! Я эту курку так хорошо готовлю! Я люблю готовить птицу. Проводили бы старый год... Эх, Вадим Васильевич, какой вы... принципиальный. Вы любите птицу запеченную?

Домнышев. Он еще к вам придет, Ольга Павловна. Ничего не потеряно.

¹⁾ Менга – мне; яхши – хорошо; ха албатта – да, конечно; хурмо – финики; курка – индейка; рахмат – спасибо (узб.)

Гринева. Когда он придет? У него к тому времени будет курка ёк и цесарка ёк. Всё та кафедра заберет.

Махонин. У него к экзаменам и штаны будут ёк.

Гринева. А я бы так приготовила! Где бы нам еще таких студентов парочку? *(Смеется.)*

Домнышев. *(заглядывает под стол)*. Все-таки оставил что-то. Ты подумай, когда успел. Вот так быкалар! Орехи по-моему... Вот, забирайте на общий стол.

Гринева *(забирает пакет)*. Ну хоть что-то! *(Пауза.)* Да-а... Разве ж мы их научим?.. Как вы думаете, Вадим Васильевич?

Домнышев. Что мне думать. За меня уже все придумали.

Гринева. Но этих ладно, мы их выгнать не можем. А наших – хоть бы одного-двух? И другие бы подтянулись... Давайте хоть одного! Этого хоть, Коробченко? Поставим каждый по двойке, что мы, в самом деле? Что с нами сделают?

Махонин. Ну-ну. Хотите без зарплаты сидеть? Это же внебюджет, они же платники. Там наши с вами грошики, между прочим. *(Ему звонят по мобильному, он говорит «Алё?», выходит.)*

Домнышев и Гринева. Пауза.

Домнышев. Сговор тут не годится, Ольга Павловна. Если одному двойка, так и другим надо. А кто нам позволит столько двоек? Есть же план выпуска.

Входит Коробченко с папкой, с перевязанной рукой.

Коробченко *(Домнышеву)*. Можно к вам? Здравствуйте.

Домнышев. Здравствуйте. Давайте, проходите... Вы заплатили за обучение?

Коробченко. Да, я конкретно! У меня нормально. Я же говорил, все сдам!

Гринева *(изумлена)*. Коробченко, как же нам сказали, что... у вас неприятности?

Коробченко. Не, Ольга Павловна, байк нашли. Просто снег такой сегодня, я на автобусе. *(Озабоченно.)* Теперь уж на прикол наверно, до весны.

Гринева *(не находит слов)*. А... нашли?? *(Всплескивает руками.)* Вот как! Я вас поздравляю. Ну, вы и... молодец. А что у вас с рукой?

Коробченко. Да это тут... Собака здоровая, напала на женщину, и это... Нью...как это, файнлен. Вот такой! *(Показывает высоко от пола.)*

Гринева. Так вы герой!

Коробченко. Не, я просто... Схватил его, и это. Зубы такие, во! Насквозь. Кровь хлестала конкретно. Сорок уколов теперь. Думаю, может, это... уже началось.

Гринева. Что??

Коробченко. Бешенство.

Гринева. Вадим Васильевич, может, ему зачесть хвосты? А то он нас заразит?

Домнышев. Зачем понемногу. Мне они самому в печенках.

Коробченко. Я это... отчеты оставляю, а то у меня номер. Надо костюм готовить. Я пойду? *(Домнышев иронически разводит руки. Коробченко хочет оставить папку.)*

Домнышев. Нет уж, забирайте! *(Коробченко уходит с папкой.)*

Гринева. Вот это я понимаю. Байк нашли! Вот наглец! Я не могу! *(Хохочет.)* А курсовая... я не спросила! Не в багажнике ли?! Я не могу...

Домнышев. Люди будущего. Бакалавры! Не зря же у нас одни университеты... Между прочим, у нас есть университет унитазов, вы знаете?

Гринева. Вадим Васильевич, я от вас не ожидала.

Домнышев. Да. Университет сантехники. В Сарапуле, кажется. Или в Сочи, не помню.

Гринева. Этого быть не может. Вы это сами придумали. *(Пауза.)* Что с вами? Вадим Васильевич, зачем вы тратите на это душу? Не надо перед людьми себя ронять. Люди того не стоят. У нас одна жизнь. Вот, муж умер, и все. Хотел все честно... И никто ничего. Как не было человека. *(Пауза.)* Пусть там как хотят, а мы будем жить. А там, может быть, что-то... переменится.

Домнышев. Здесь ничего не переменится.

Гринева. Вы не хотите перемен?

Домнышев. Как вам сказать... все как-то глупо мечталось, что я уеду куда-нибудь, где мне будет тихо и хорошо. Но такого места нет.

Гринева (*твердо*). Вадим Васильевич, вы уже туда приехали. Это место здесь. (*Пауза*).

Домнышев (*опешив*). Ну, у вас хороший... хватательный рефлекс.

Гринева. Не обижайте меня. Вы же видите, сейчас не наше время. Нам к нему не приспособиться, мы совсем бесхитростны. Что же делать, нас такими господь создал. (*Длительная пауза*.) Вадим Васильевич, а можно вас спросить? Вы ведь сюда из-за дочери переехали? Она где-то здесь? Я угадала? (*Домнышев ошарашен, смотрит дико. Молчание*.)

Значит, я угадала. (*Решительно*). Вот и хорошо, и давайте будем жить, не прячась. Что откладывать? (*Пауза*.) И вы говорили, помните?.. вам, правда, нужно поправить карманы?

Домнышев (*некоторое время смотрит на Гриневу молча*). С новым счастьем и новыми карманами? (*Оба смеются тихо, потом веселее*.) Прямо не знаю, что сказать, Ольга... Павловна. Дайте опомниться.

Затемнение.

Сцена 3

Тот же день к вечеру, салон стрижки животных. Андрей и Таня.

Андрей. Что хоть случилось?

Таня (*виновато*). Эльвира нагрязнула, а тут ребята с своими «терьерами». Хорошо, что ты ушел. Я думала, и они ушли... а они на крыльце. Я ей наврала, что они предлагали нам собак купить. А Эльвира вызвала полицию. А полиция приехала – откуда собаки? И увезли их... Столько понаехало, с автоматами... Там собаки – смех один. Спят на ходу.

Андрей. Вечер же сорвется! У Копченого номер! А без него какие лебеди... Вот черт, как чувствовал!

Таня. Да нет, Коля звонил, отпустили их. Ночь продержали.

Андрей. Слава богу... Как ночь? У него ж отец в полиции? Что, он не мог?..

Таня. Не знаю, так сказал. У него отец... вот такой.

Андрей. Дела... А с контрольной у тебя что?

Таня. Завтра пишу, Эльвира отпускает. Нормально все. Я успею. Только... мне, наверно, придется уйти из салона. Она что-то заподозрила. Она ничего не сказала, но она не поверила. (*С обидой*.) Ну и пускай.

Входит 2-я покупательница с новогодним пакетом.

2-я покупательница. Здравствуйте!

Андрей (*не ожидал, растерян*). Здравствуйте.

2-я покуп-ца. Вот, пришла вас благодарить. Я так счастлива!

Андрей. Что же... произошло?

2-я покуп-ца. Все замечательно! У нас с мужем так хорошо! Только муж почему-то говорит, это дворняга... это ведь не так? Вы же не могли нас обмануть?

Андрей. Что вы, как обмануть? Это сирийский терьер! Они... может, похожи немного. Их перестали возить, это вам повезло, вы последнюю взяли.

2-я покуп-ца. Ну вот! У нас стало с мужем так чудесно! Собака такая добрая! Все время спит. Я так рада. Мне так хорошо на душе. Я с ней гуляю, меня все спрашивают, что за порода. Я хотела вас поздравить с наступающим Новым годом, здесь вот вам скромный подарок. (*Передает Андрею пакет*.)

Андрей (*сильно смущен*). Спасибо.

2-я покуп-ца. Господи, как хорошо жить! Я вам так благодарна. Желаю вам счастья!

Андрей. Спасибо, и вам... всего самого хорошего.

2-я покупательница уходит. Пауза. Андрей и Таня, смущены.

Таня. Вот... Осчастливили человека... А ты не хотел... (*Смеется*.) Бедный, я тебя измучила. Ташу в какие-то истории... (*Покорно*.) Прости меня.

Андрей. Таня... как ты думаешь, настоящие люди есть?

Таня. Где-нибудь есть... Там, высоко. А почему ты спросил?

Андрей. А вот мы?

Таня. Мы? Я не знаю. Я обыкновенная... *(С беспокойством.)* Ты о нас с тобой? Что ты, Андрюша?

2-я покупательница возвращается.

2-я покуп-ца *(Андрею)*. Скажите все-таки... это правда? Что вот она спит... и значит, муж... значит, этого нет? Правда??

Таня *(горячо)*. Конечно, это такая собака!

2-я покуп-ца. Нет, вот пусть молодой человек.

Андрей *(резко)*. Да, я же вам сказал. Будьте совершенно спокойны.

2-я покупательница уходит. Молчание. Андрей молча отдает Тане пакет и уходит.

Таня. Андрюша! Что ты?! Подожди! Андрей!!

Входит Рыбкин.

Рыбкин. Че Андрюха такой пошел? Привет.

Таня *(не сразу, но вдруг в сильном испуге, в ужасе)*. Ты здесь Марину дождись, ладно? Она скоро придет. Дождись обязательно! *(Оставляет пакет и убегает.)*

Рыбкин один, ходит в задумчивости, вяло трогает собачью вешалку, корма на полках.

Рыбкин. Думал поговорить... Может, мне в армию? По контракту? Хавка, одет, ничего не думай. Приказали, пошел. Отцу помогу... Отслужу десятник... или сколько там. А что я тут? Никому я тут, правильно?

Возвращается Таня, подавлена. Молчание.

Ну что?

Таня. Что?

Рыбкин. Не, я так.

Молчание.

Таня *(рассеянно)*. Ты, Коля, пришел, случилось что?

Рыбкин. Не, я просто... Я пойду. *(Уходит.)*

Таня садится на стул около собачьего стола, сложив руки. Пауза.

Таня *(удивленно-горько)*. Не догнала... Как же он?.. *(Закрывает лицо.)* За что??

Затемнение.

Сцена 4

Кафедра, преподавательская комната, вечер. За столом Домнышев и Рыбкин.

Домнышев *(отвлеченно, словно сам с собой)*. Переменный ток, Рыбкин, это ток, который меняет направление. Понятно? Да...Пятьдесят раз в секунду, представляете? Какой пятьдесят, сто раз! Сто раз в секунду! Это трудно представить... Чтобы что-то изменить, сколько нужно силы, а? Это не так просто, изменить направление, правильно? Вдруг ни с того ни с сего – на тебе! Правда же? *(Рыбкин недоумевает)*. Он собрался туда – оказывается, нужно обратно! Вот те раз! Это как? Для этого нужна внешняя сила, правильно? Еще какая! Чтобы ты, понимаешь, и не хотел, а она... *(Смеется.)* Вот черт возьми. *(Смеется.)* Чтоб тебя, понимаешь, раз – и повернула! В один момент!

Рыбкин *(уже испуганно)*. Там сейчас вечер идет, вы пойдете, Вадим Васильевич?

Домнышев. Вечер? Да-да. Мы на чем остановились? *(Пауза)*. Вам понятно?

Рыбкин. Понятно.

Домнышев. Давайте зачетку *(расписывается)*. В конце концов нам нужно жить или нет? А? Вы как считаете?

Рыбкин быстро уходит, на ходу торжествующе вздымает зачетную книжку и трясет ей в воздухе. Некоторая пауза. Домнышев ходит в волнении. Входит Незлин-старший, Домнышев тревожно идет ему навстречу.

Домнышев. Ну что, Марк Евгеньевич?

Незлин *(отводит Домнышева к авансцене)*. Кажется, могу вас обрадовать, Вадим Васильевич, наша взяла. Точнее, ваша. Я был неправ, но согласитесь, что...

Домнышев. Да-да, еще бы! Неужели сестра?

Незлин. Нет, медсестру так и не нашли, столько лет... Но пусть это вас не беспокоит, экспертиза практически стопроцентная. В общем, ждите решения. А мы приложим наши скромные силы. Поздравлять не буду, чтобы не сглазить.

Домнышев. Марк Евгеньевич! *(Обнимает Незлина.)*

Незлин *(после паузы)*. Мне неудобно просить, Вадим Васильевич, но наш Рома... Он долго болел. У вас очень трудный предмет...

Домнышев. Да-да, конечно, Марк Евгеньевич! Конечно. Боже! Два с половиной года и... столько лет!

Незлин. Тогда пожелаю вам всего наилучшего.

Делает несколько шагов уйти, но возвращается.

Знаете, чтоб уж... Я вас долго не понимал и... вы это знаете, не совсем одобрял, но теперь такие обстоятельства... Я изменил свою позицию и совершенно переменяю к вам свое отношение. Так что с наступающим вас Новым годом и... будем надеяться!

Домнышев. Да-да, будем надеяться!

Незлин. И, еще... Это, может быть, меня не касается, но... нужно подумать о девочке, для нее ведь это шок, понимаете вы меня? Я заметил, вы человек сильного чувства и иногда (простите) идете, ломая заборы... Аккуратнее, не напугайте. Извините, что я не в свое дело... Ваши чувства понятны... одним словом, подумайте. *(Уходит.)*

Домнышев возвращается к столу. Входит Незвестный с «энциклопедией».

Неизвестный. Энциклопедия половая. В трех томах.

Домнышев *(рассеян)*. Что-что? А. В трех томах... Да-да. Вы что хотите?

Неизвестный. Две тысячи.

Домнышев *(машинально, не понимая)*. Хорошо, оставьте. *(Долго роется в карманах, достает деньги.)* Вот... две.

Неизвестный. Три. *(Оставляет тома на столе.)*

Домнышев. Три? Ах, три. Вы сказали... хорошо, три *(добавляет денег)*.

Неизвестный *(на ходу пересчитывает деньги)*. Три... Купил за пять... *(Недоумевающая, уходит.)*

В дверь заглядывает Таня в костюме Снегурочки. Очень оживлена, сияет. Видно, что у нее замечательное настроение, она на подъеме жизненных сил.

Таня. Приходите в зал, а то скоро конец! Я скоро буду петь финал! Я так хочу, чтобы вы послушали! *(Странно-неподвижная пауза, они смотрят друг на друга. Таня убегает. Домнышев опускается на стул, смотрит ей вслед. Вдруг быстро уходит, почти бежит. Летит на пол «энциклопедия».)*

Очень медленное затемнение. За окнами вспышки и хлопки петард. Кто-то пробегает по коридору, смех. За сценой долго, минуты три-четыре звучит «Танец маленьких лебедей». Слышны взрывы смеха, аплодисменты. Музыка нарастает, затем стихает.

Занавес